

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ СИЛЛОВА

КРЕМЛЬ 2222

ХОВРИНО

Дмитрий Силлов
Семен Степанов

**Дмитрий Олегович Силлов
Семен Александрович Степанов
Кремль 2222. Ховрино
Серия «Кремль 2222»**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6691294

Дмитрий Силлов, Семен Степанов. Кремль 2222. Ховрино: АСТ;

Москва; 2014

ISBN 978-5-17-083738-0

Аннотация

На севере Москвы снова неспокойно. В Зоне Трех Заводов орудует неуловимый кровожадный маньяк, хитроумные осмы ядовитыми ручейками просачиваются в поселения людей, готовя решающий удар, а в знаменитой Ховринской больнице возрождается древнее зло, равного которому еще не было в истории постъядерного мира.

Ховрино... Один из самых неизведанных и таинственных районов сожженной столицы. Здесь бесследно пропадают разведчики-стабберы, отсюда толпы мутантов и отряды боевых роботов переправляются через Канал, чтобы охотиться на людей, и именно в эти гиблые места судьба забрасывает двоих изгнанников, не покорившихся тем, кто пытался отнять у них свободу.

Цель беглого раба и бывшей разведчицы – выжить любой ценой. Их мечта – дойти до Кремля, который многие считают легендой. И теперь им предстоит безжалостный бой за свою мечту, который окажется лишь прелюдией к их главной битве.

К сражению за Кремль.

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	45
Глава 3	98
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Дмитрий Силлов, Семен Степанов Кремль 2222. Ховрино

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Авторы искренне благодарят

Марию Сергееву, заведующую редакционно-издательской группой «Жанры» издательства «АСТ» и Вячеслава Бакулина, руководителя направления «Фантастика» редакционно-издательской группы «Жанры» издательства «АСТ» за поддержку и продвижение проектов «Кремль 2222» и «Роза Миров»;

Маргариту Микрюкову за ценные советы в процессе работы над романом;

Павла Мороза, администратора сайтов www.sillov.ru; www.kreml2222.com; www.real-street-fighting.ru, Алексея Лупатова, администратора тематических групп социальной сети «ВКонтакте»;

Сергея «Ион» Калинцева, корреспондента литературного портала www.litstalker.ru, и Виталия Градова, администратора литературного портала www.stalker-book.com, за по-

мощь в интернет-продвижении проектов «Кремль 2222» и «Роза Миров», а также сертифицированного инженера Microsoft, выпускника MBA Kingston University UK Алексея Лагутенкова за квалифицированные консультации по техническим вопросам.

Глава 1

Воины и рабы

...Очередной бункер, который она нашла, на этот раз оказался почти пустым. Почти – потому, что в нем не оказалось ровным счетом ничего полезного, только мусор, валяющийся здесь еще со времен Великой войны. Зато тень, мелькнувшая на потолке, сказала о многом. Это подземное убежище облюбовали враги. Теперь задача была одна – поскорее выбраться отсюда.

Свет фонарика, закрепленного на руке, рассекал мрак, словно клинок меча. Но светом подземных тварей не напугаешь. Тот, на потолке, наверняка помчался за подмогой. Мутанты Зоны в вопросах охоты обладают почти человеческим интеллектом, с нечеловеческой жестокостью убивая свои жертвы.

Она бросилась бежать, но вскоре шелест множества ног над головой дал понять – потолочники близко. Эти твари, вооруженные острыми и длинными костяными мечами, растущими прямо из ног, пожалуй, пострашнее руконогов будут. Огромные фасеточные глаза позволяют подземным монстрам отлично видеть в темноте, а цепкие лапы – передвигаться с одинаковой скоростью по полу, стенам и потолку.

Девушке не нужно было оглядываться для того, чтобы оценить ситуацию. Тренированный слух воина способен дать полную картину происходящего даже по мельчайшему шороху, не зря же необходимые навыки выживания оттачиваются годами на тренировках, в том числе, и с завязанными глазами. И так ясно: разведчик, обнаруживший добычу, несется сейчас впереди отряда загонщиков, шустро перебирая лапами по потолку, – надеется урвать лучший кусок.

Что ж, придется его разочаровать.

Потолочники предпочитают атаки сверху – сбить противника с ног, одновременно пронзая его костяными мечами, пожалуй, самый эффективный способ охоты в подземельях... если, конечно, жертва, парализованная ужасом, думает только о бегстве.

Движение воздуха над головой она не услышала – почувствовала всем своим телом, закаленным в многочисленных битвах. Рывок в сторону и удар короткого меча слились в одно движение...

Промажнувшийся потолочник завизжал мерзко и страшно – оба его фасеточных глаза перечеркнул продольный разрез, из которого брызнула на пол слабо фосфоресцирующая жидкость. Отлично, этому теперь не до охоты. Но следом несется его соплеменники.

Меч со следами светящейся крови с тихим шелестом влетел обратно в ножны, а в руках девушки оказался сложно-составной лук, сработанный из древесины березы-мутанта.

Накладки из ребер молодого болотника на плечах лука и разваренные жилы жука-медведя, которыми была проклеена внутренняя часть этого страшного оружия, придавали луку небывалую мощь, несмотря на его скромные размеры. Три стрелы одна за другой сорвались с тетивы, и подземелье наполнилось жутким визгом тварей, явно не ожидавших столь эффективного отпора.

Но вопли врагов нисколько не трогали лучницу. Она лишь хладнокровно делала то, чему целенаправленно училась многие годы. С детства – непокорная, своенравная, с необычными для маленькой девочки увлечениями вроде владения оружием и ежедневных занятий физическими упражнениями; с ранней юности не желающая быть лишь средством для поддержания численности населения... И доказавшая всем, что доставшиеся ей по воле природы широкие бедра и приятные округлости груди не помеха для принятия в ряды стабберов – элитных разведчиков Зоны Трех заводов.

Суставчатые лапы мутанта, рухнувшего с потолка, безуспешно пытались вытащить из брюха стрелу, а страшные ноги-мечи бестолково скребли по полу. Четвертая стрела, выпущенная девушкой-стаббером, пробила уязвимую точку между двух огромных фасеточных глаз. Голова чудовища ударилась затылком об пол, костяные клинки дернулись в последний раз...

Потом она бежала по длинному тоннелю к пятну света

вдали. Визг мутантов за спиной отдалялся, однако чуткое ухо разведчицы смогло различить среди этих душераздирающих воплей хруст костей. Потолочники жрали своих, тех, что упал с высоты и никогда больше не поднимется. Похоже, врет легенда о том, что этих тварей создали специально в подземных лабораториях еще до Последней войны. Наверное, все-таки это мутанты, чьи предки были людьми. Уж очень по-человечески ведут себя потолочники, пожирая своих же, внезапно ставших слабыми и беззащитными...

Единственную девушку, сумевшую стать воином-разведчиком, звали Лия. Короткое имя, удобное для того, чтобы окликнуть в бою. Когда-то давно у нее было другое, но она его забыла, так как новое, данное ей Учителем, было намного функциональнее. Да и нужно ли помнить прошлое? Воину ни к чему лишние эмоции. Например, в том бункере, когда она отстреливалась от мутантов, ее тело просто делало привычную работу. Сейчас же, сидя в небольшом баре Зоны Трех заводов и потягивая старый коньяк, восстановленный в Поле Смерти, она почему-то вспомнила именно тот эпизод ее жизни. Интересно, почему? Что это, случайный ход мыслей или инстинкт разведчицы, который не раз предупреждал ее об опасности?

Правда, непонятно, что такого из ряда вон выходящего могло случиться в ближайшее время. Помимо Лии, в баре находились еще несколько стабберов, ее боевых товарищей. Случись чего, их команда порвет на куски любого. Но вряд

ли найдется во всей Зоне хоть один сумасшедший, который рискнет связываться с элитной разведкой.

В бар вошли еще трое посетителей. Некоторые стабберы, включая Лию, оглянулись – и тут же отвернулись с презрительными ухмылками на лицах.

Чуга, десятника внутренней стражи, за которым давно закрепилось прозвище Чугун, стабберам уважать было не за что. Редкостный трус, смелый и отважный лишь с теми, кто заведомо слабее его, полное ничтожество, слишком много мнящее о себе. Лишь благодаря родственным связям Чугун попал в стражу, а не в цеха – его отцом был не кто иной, как второй заместитель самого Директора Зоны Трех заводов.

Разумеется, влиятельный папочка многое делал для того, чтобы обожаемому сыночку как можно реже приходилось исполнять свои обязанности. А вот своими возможностями и родительским тылом Чугун пользовался, не скромничая. И всегда можно было с уверенностью сказать, почему у зеленого новичка, принятого в ряды стражи, в кровь разбито лицо. Вдобавок ходили слухи об изнасилованиях молодых женщин на территории Зоны, но почему-то никто пока не заявил о преступлении. Почему – догадки были, но никто из простых людей не осмеливался высказать их вслух.

Желающих набить Чугуну его мерзкую физиономию имелось с избытком, но мало кто мог себе это позволить. Поддашься эмоциям, так не только себе судьбу испоганишь, но и своим близким. Пресыщенный властью второй зам был хо-

рошо известен своей жестокостью, а также наличием множества доносчиков, в последнем превосходя даже самого Директора. Да и поодиночке Чугун практически никогда не ходил – двое мордоворотов с печатями полного отсутствия мышления на лицах сопровождали его постоянно.

– О чем думает твой отец, Ион? – обратился один из стаб-беров к своему соратнику, сидящему справа от него. – Чугуна давно пора вышвырнуть из стражи. Недостоин он. Да и слухи эти... Не на ровном же месте.

– Известно, о чем он думает, – хмуро ответил молодой, коротко стриженный парень. – О благе Зоны печется днем и ночью. И при этом считает, что для новобранцев разбитые носы – лучшая школа жизни. А бабы пусть не ревут. Никто об изнасилованиях официально не заявлял, трупов нет, а синяки и ссадины могут и на бытовой почве появиться. Если же даже что-то такое и было, то ничего страшного, от девок не убудет. А если еще они принесут здоровое потомство, им же лучше – глядишь, молодой мамаше в Игре¹ участвовать не придется.

Ион сплюнул. Нелегко ему было цитировать подобное, да еще в присутствии Лии, чья железная воля оказалась сильнее законов Зоны Трех заводов в отношении ее женской половины населения.

– Прости, Лия.

¹ О возникновении и концепции Игры можно прочитать в романе Дмитрия Силлова «Кремль 2222. Северо-запад».

– Все нормально, Ион, – девушка ободряюще хлопнула стаббера по плечу и улыбнулась. – Ты-то здесь при чем? Родителей не выбирают.

«Как и то, кем родиться – мужчиной или женщиной, – подумал стаббер. – Реально жаль девчонок, над которыми какой-то подонок глумится. Это ж на всю жизнь отпечаток. И заступиться за них некому, и постоять за себя они не смогут никогда. Не всем же быть такими, как Лия».

Взгляд Иона невольно скользнул по лицу и фигуре девушки. Что и говорить, молодая воительница была само совершенство, и суровое боевое облачение лишь подчеркивало ее красоту. Обычно жительницы Зоны быстро теряли свою свежесть, грацию и молодость, целыми днями работая на благо общины. К тому же Закон предписывал женщинам рожать как можно чаще, что не могло не сказаться на их внешности и здоровье – ведь беременность ни в коем случае не была поводом для отмены обязательных работ на благо Зоны. Законы выживания поистине безжалостны к слабому полу в мире, пережеванном и выплюнутом жуткой пастью Последней Войны...

«А ведь в старых книгах написано, что до войны беременные женщины могли не работать, а также имели право любить мужчин без риска забеременеть, – продолжал размышлять Ион. – Но то до войны... И об этом лучше помалкивать. Отец за такие слова любого в ереси обвинит и показательный суд устроит, с него станется».

Очередной рабочий день закончился. Рабы, целыми днями вкалывающие на благо Зоны Трех заводов за еду и защиту, нетвердым шагом направились к пункту раздачи пищи. Миска полужидкой похлебки, кусок серого хлеба, кружка вонючего дезинфицирующего напитка, без которой через месяц сдохнешь от мутировавших кишечных паразитов, – вот вторая часть награды за целый день работы. Первая часть, обед, комом упавший на желудок, все еще напоминал о себе кислой отрыжкой.

Закончился еще один день изнуряющего и неблагодарного труда, будь он неладен... Да только куда ж денешься с этой Зоны Трех заводов? Нет, насильно держать никто не станет. Хочешь уйти – иди на все четыре стороны! Но только сунься за Стену – и запах свободы быстро развеется дыханием смерти. Коварные аномалии, плотоядные растения, хищные мутанты – как говорится, выбор велик, а финал всегда один.

Так что если в стабберы либо во внутреннюю стражу не годишься, а жить хочешь – вкалывай за скудный паек с утра до ночи. Только жизнь ли это? Вряд ли. Так, бессмысленное существование.

Подобные мысли изо дня в день прокручивались в головах рабов, отпечатываясь на их лицах вечной маской усталости и безразличия ко всему. И лишь один из них, невзирая ни на

что, каждый день был бодр, и даже порою весел.

– Триста тридцатый, ты двужильный, что ли? – проворчал сторбленный бородач здоровому, под два метра ростом грома, вместе со всеми идущему получать свой честно заработанный ужин. – Пашешь за троих и хоть бы что тебе!

– Не знаю, – непринужденно ответил здоровяк. – Мамка говорила, я таким родился – сильным и здоровым. А как вырос, еще сильнее и здоровее стал.

Бородач хотел было сказать что-то типа: «ага, силы много, зато ума ноль», но сдержался. «Триста тридцатый» не смотри, что с виду грома, – более душевно ранимого человека Зона Трех заводов не знала. И быть бы ему вечной жертвой издевательств и насмешек, если б не огромный рост, хорошо развитая мускулатура и детская обидчивость, которая при его данных вполне могла обернуться для обидчика отнюдь не душевными травмами. Мирный и дружелюбный, «триста тридцатый» мгновенно преображался, стоило кому-то задеть его хоть словом. Его большие глаза мгновенно наполнялись слезами, и, всхлипывая, словно ребенок, он бросался на обидчика и бил его по принципу «аккуратно, но сильно». А кому лишний раз охота получать по морде, даже зная, что насмерть бить не будут, а так, поучат немного манерам? Понятное дело, что пара-тройка выбитых зубов не в счет, даже надсмотрщик над рабами не озаботится такой мелочью. И пусть они побитые кариесом, гнилые и черные, но все ж свои, жалко. К тому же никто не исключал возмож-

ности, что однажды этот громила не рассчитает силы своего удара...

Руководство Зоны «триста тридцатого» ценило – насколько вообще может хозяин ценить раба. Ну да, инфантилен, словно ребенок, туповат, раним, впечатлителен, чересчур добродушен – мухи не прибьет, если только та его не укусит... Так что ни стаббера, ни стражника, ни надсмотрщика из него не получится, хотя жаль – парень силен, словно трехлетний жук-медведь. Специально для него стражники придумали соревнование. Грузим здоровяку на плечи двухпудовый ящик – и предлагаем взбежать на верхний ярус за десять секунд, отмеряемых по древнему механическому секундомеру. И взбегал ведь, даже не запыхавшись. Тому, кто повторит эдакий подвиг, стражники предлагали недельный паек. Но пока что никто не повторил, хотя пытались многие на потеху охране.

С такими физическими данными быть бы «триста тридцатому» в рядах лучших воинов Зоны, но у каждого своя судьба.

Зато в тяжелом физическом труде равных «триста тридцатому» не было». Работал громила как заведенный и, казалось, вообще не уставал. В производственных цехах его на руках носили бы, если б смогли поднять. За счет его силы и выносливости нормы выработки любой бригады, куда назначали «триста тридцатого», вырастали втрое, что порой вызывало у власть имущих приступ невиданной щедрости, выра-

жаемой в увеличении продуктового пайка на каждого раба, трудившегося в одной группе с громилой. Сам «триста тридцатый» и так получал вдвое больше – кормить такую махину нужно было отменно, это понимали все, даже рабы, ревниво следившие за каждой сухой коркой, исчезающей во рту у соседа. А иной раз подкатишь к «триста тридцатому» с добрым словом – так и поделится...

Впрочем, такое случалось не часто. Хоть по развитию и был здоровяк дитя-дитем, но просто так пайкой не делился: мол, я заработал, я и съем, а у тебя своя есть. Но некоторым везло, в особенности тем, кто по воле случая знал настоящее имя громилы и держал это знание в строжайшем секрете. «Триста тридцатый» тут же расплывался в доброй улыбке, стоило ему услышать, что к нему обращаются не по номеру, а по имени, данному ему давно умершей матерью. Нравилось оно ему. Короткое, звучное... Свое. Та малая собственность, которую никто никогда не сможет отнять даже у раба.

* * *

За старинным массивным столом сидели двое мужчин. Один – наместник бога на земле, выжженной глобальной войной... во всяком случае, для тех, кто живет по эту сторону Стены. Другой рангом поменьше, но кто знает, как все обернется в дальнейшем. Впрочем, для него на данный момент никаких возможностей повышения не предвиделось.

«Хоть бы раз ты высунул свою лысую башку за Стену!» – зло думал второй заместитель Директора. Говорил же он, разумеется, совсем другое.

– Стабберов и стражи у нас пока что достаточно, как и рабов. А вот с рождаемостью – проблема. За последние два месяца из пяти рожденных детей трое – с мутациями. Причем две роженицы из пяти просто умерли при родах...

Зам замялся.

Директор ожидал продолжения, нетерпеливо постукивая пальцами по столу. Он ценил свое время. Но заместитель не торопился развивать мысль, как бы давая начальству время проникнуться важностью преподнесенной информации.

– Статистика, которую ты озвучил, не особо сложная, и мне не нужно много времени, чтобы осмыслить ее, – с ноткой нетерпения в голосе произнес Директор. – Дальше что?

Зам сглотнул накатившее волнение и проговорил:

– Лия.

Лицо Директора исказила усмешка.

– Сынуля попросил? – не без раздражения осведомился повелитель Зоны.

Что и говорить, Трем заводам крайне необходима каждая женщина, способная к зачатию биологически здорового потомства и поддержанию численности общества. Но осознание того, что лично покрываешь насильника, все чаще вызывало в душе Директора активность хрестоматийных кошек. И вовсе не угрызения совести были тому виной, ибо

диктатор, отягощенный лишними эмоциями, долго не протянет. Вопрос был чисто практический. Одно дело новорожденных мутантов на фарш для рабов перерабатывать – оно и для сохранения вида полезно, и, опять же, ценный белок не пропадает. Но покрывать преступника – это совсем другое. Как отходы жизнедеятельности в жилом помещении прятать, вместо того чтобы отправить их по назначению. Прячь, не прячь, а рано или поздно завоняет. И тогда вонь эта может на Директора перекинуться, недовольство народа вызвать, власть пошатнуть...

Зам не хотел признаваться, но врать Директору, буравящий взгляд которого заставлял чувствовать себя букашкой на иголке, не решился. Все равно бы убедительно не получилось.

– Да. Но... дело не только в этом.

– А в чем же? – спросил Директор с напускным интересом. Зам истинного настроения начальства не понял и воодушевленно продолжил:

– Как я уже доложил, женщины нередко гибнут при родах. Слабый пол, что поделать... Но Лия – другое дело! Сильная и здоровая женщина родит сильное и здоровое потомство! Подумайте, каких детей она может произвести на свет! Будущих стабберов! Рабы всегда найдутся, а хороший стаббер...

Зам осекся.

– ...а хороший стаббер на вес золота, так? – ледяным тоном продолжил Директор. – И это мне сейчас хочет сказать

тот, кто минуту назад утверждал, что стабберов у нас достаточно.

– Ну я...

– Я думаю! – Директор сделал рукой знак, и зам за-ткнулся на полуслове, словно ему меж зубов деревянную заглушку всадили. Бывало, что тем, кто не понимал жестов диктатора Зоны Трех заводов и продолжал гнуть свою линию, натуральную деревяшку в говорливую пасть кувалдой загоняли, так что второй заместитель предпочел не рисковать. Все, что надо было, уже сказано, теперь начальство пусть само принимает решение.

«Вот ведь, сын крысособачий, – думал Директор, наблюдая за бегаящими глазками второго зама. – С виду дурак-дураком, но мыслит в верном направлении. Лия не вечна. Сегодня она отличный стаббер, а завтра – стареющий ветеран. Да и убить ее могут запросто в любом из рейдов, вон недавно пришла вся в крови потолочников с ног до головы. Повезло нереально девке, что жива осталась, хоть и хорохорится, мол, боевая выучка спасла. Ага, как же. На всякого стаббера свой жук-медведь найдется, вон за последний год сколько разведчиков полегло за Кольцевой. Погибнет девка, и не даст Зоне в полной мере то, что могла бы...»

– Думаю, ты прав, – уже без прежнего льда в голосе произнес Директор. – На данный момент стабберов у нас достаточно, но уровень населения необходимо постоянно поддерживать... Роль матери Лии особо не повредит. С ее здоро-

вьем она только пару-тройку месяцев в рейды ходить не сможет, когда пузо на нос полезет. Да и тогда на Стене постоит в карауле, ничего страшного. А родит – через пару дней снова в рейд пойдет. В общем, хорошая мысль, одобряю. Завтра же вызову ее к себе и поставлю перед фактом. Если у тебя все, можешь идти.

Зам поклонился и, с трудом скрывая радость, покинул кабинет Директора.

«Вот сюрприз будет завтра этой непутевой сучке! Чего захотела – не выполнять своих на роду написанных функций!» – думал он, торопясь порадовать новостью своего горячо любимого сына-отморозка, чьим капризам второй зам привык потакать с момента рождения единственного наследника.

Зам не знал, что за пару секунд до того, как он встал и направился к двери, ведущей из кабинета Директора, от противоположной стороны той двери отделился коротко стриженный молодой человек в камуфляже. Сыну Директора не понравилось выражение лица второго зама, с которым он заходил в кабинет, и молодой стаббер решил подслушать разговор.

«Повредит или не повредит беременность Лии, может решить только она сама», думал Ион, направляясь в сторону казарм. Отец, конечно, авторитет и слово его – закон, но какой настоящий воин не предупредит своего боевого товарища о грозящей ему опасности?

Короткий взмах изящной руки – и остро заточенный метательный нож вонзился в самый центр деревянной мишени, висящей на стене.

– Вот так. И никак иначе, – прошептала Лия.

Ион только что сообщил ей о подслушанном разговоре Директора со вторым замом. Годы тренировок, десятки рейдов – и все ради того, чтоб в итоге раскорячиться под падалью с дерьмом вместо мозгов? Лия не отличалась особой верой в Великого Механика, но если он все же существует и решение Директора – его воля, то у небесного покровителя Зоны Трех заводов явно поистерлись все шестеренки в голове!

Выпустив нахлынувшие эмоции в мишень вместе с клинком, Лия немного успокоилась. После чего надела и зашнуровала армейские берцы, одернула камуфлированные штаны, поправила ремень и висящие по бокам два коротких меча в ножнах. Потом собрала свои шикарные, длинные волосы в хвост, вытащила из мишени свое метательное оружие и спрятала его в специальный чехол, скрытый в рукаве камуфлированной рубашки. Поверх нее девушка надела раскрашенный в защитный цвет кожаный доспех из шкур дикого тура, усиленный пластинами, выточенными из панциря руконога, после чего закрепила за спиной специальный объ-

единенный саадак, включающий в себя налучье с луком и колчан, заполненный стрелами. Дорожная заплечная сумка со всем необходимым в рейде завершила сборы.

Ион молчал, наблюдая за приготовлениями девушки. Он понимал, что единственный вариант для Лии сейчас – это побег. С отцом говорить бесполезно. Ион по опыту знал, что если уж Директор в чем-то увидел единственно верное решение, соответствующее его политике, изменить его сможет разве что сам Великий Механик – да и то не факт. А про тупоголового второго зама и говорить нечего. Хотя, как тупоголового? Своего-то интереса эта гнида по-любому не упустит.

– Второй зам наверняка подсуетился, – произнес стаббер. – Пройти напрямую через ворота может не получиться.

– Понимаю, – отозвалась Лия. – Я и не собиралась идти через ворота. Спустишь со Стены по веревке.

– Я пойду с тобой, – после секундной заминки произнес Ион.

– Проводишь?

– Нет. Уйдем вместе.

Девушка посмотрела стабберу прямо в глаза.

– Нет, Ион. Я должна идти одна. Уйдешь со мной – и твой отец всю Зону на уши поднимет, погоню веером пустит во всех направлениях. А одну меня он вряд ли будет искать. Если уж Директор не ценит меня как стаббера, то уж об утрате меня как женщины-роженицы точно горевать не будет. Неве-

лика потеря для Зоны одна ходячая колба для вынашивания младенцев.

Ион не хотел отпускать Лию одну, но в ее словах был резон. К тому же она не раз доказывала, что одиночные рейды для нее не проблема. Но одно дело кратковременный рейд на дикие территории, и совсем другое – постоянная жизнь за МКАДом, на территории, заполненной чудовищными порождениями Последней войны. Можно было, конечно, и в другую сторону пойти, например, на север. Мир большой. Но говорят, что там на многие километры тянется пустыня с редкими городами, обнесенными стенами, за которые чужих не пускают, – а если и пускают, то лишь для того, чтобы забить на мясо или превратить в рабов. А сожженная Москва это все-таки знакомая территория, где стабберы после многочисленных рейдов уже привыкли выживать...

Лия увидела в глазах Иона неприкрытую печаль и по старой привычке хлопнула его по плечу.

– Воин сам выбирает свой путь, Ион. Тебе это известно не хуже, чем мне. Сейчас я точно знаю, что должна уйти одна. И ты это знаешь не хуже меня.

– Но я могу выиграть для тебя время, – глухо произнес стаббер. – Надеюсь, ты не откажешься от моей помощи... в последний раз?

Раннее утро всегда самое тяжелое время для стражника, несущего ночную вахту. После многочасового бдения хочется одного: добраться до казармы и забыться на несколько часов, желательно – не видя сны... В них, как со Стены, редко увидишь что-то хорошее. Скорее очередной кошмар. И чем ближе утро, чем светлее становится небо, тем невыносимее вахта, медленнее тянутся минуты, и все сильнее слипаются глаза. Но пока не пришла смена, лучше забыть о том, чтобы прикрыть глаза хоть на минуту или чтоб хотя бы ненадолго приткнуться в угол и вытянуть гудящие ноги... Устав внутренней стражи строг. И если его нарушить, можно вообще лишиться ног, а то и головы в придачу.

– Как вахта, Рад?

Молодой парень, совсем недавно вступивший в ряды внутренней стражи Зоны Трех заводов, обернулся, нервно взводя рычагом небольшой пехотный арбалет.

– Успокойся, свои, – незаметно подошедший со спины стаббер показал стражнику открытые ладони и улыбнулся.

– Ион? – Рад облегченно вздохнул. – И не спится же тебе!

– Не то слово, – хмыкнул стаббер, доставая из-за пазухи плоскую флягу и поднося ее к губам. – Прошлый рейд прикинулся, какой уж тут сон. Глотнешь?

– Шутишь, что ли? Я ж на вахте!

– Закончилась сегодня твоя вахта, парень, – сказал Ион, вытирая губы рукавом своего длинного кожаного плаща. – На, хлебни, да иди на боковую. Я за тебя додежурю. Сны проклятые не дают спокойно спать, хоть на Стене воздухом свежим подышу, рассвет встречу.

– Вообще-то, по Уставу за оставленный пост полагается...

– Рад! Я сын Директора или где? Не переживай, вопрос с официальной частью сдачи твоей смены я уже решил.

«Ну да, решил, – мысленно усмехнулся Ион. – Спецно-творное из старого советского бункера действует до сих пор, даже без восстановления в Поле Смерти. Когда начальник стражи очухается, ему же лучше будет, если он не станет разбираться с поправками в смене караула. Куда годится шеф охраны периметра, который не заметил, как к нему в кабинет проникли и подменили стакан».

Лицо Рада просветлело. Взяв флягу, парень сделал пару глотков. Первосортный коньяк обжег горло, ароматом шибанул в ноздри. Стражник аж зажмурился от удовольствия. Все-таки мировой парень Ион, хоть и сын Директора!

Вернув флягу владельцу, молодой стражник поблагодарил стаббера и, восхваляя Великого Механика, направился к входам – лестнице, ведущей вниз со стены.

Спустившись, Рад завернул за угол здания, не заметив прячущуюся в тени неподвижную фигуру, мимо которой он прошел на расстоянии вытянутой руки. Стаббер Лия умела не только воевать, но и отлично прятаться. Да и не до бди-

тельности уже было Раду. Даже стой она обнаженная в свете костра – и то не обратил бы внимания. Спать, скорее спать. Коньяк Иона оказался на редкость крепким, и смертельно уставшего стражника уже слегка заносило на поворотах.

Проводив взглядом пошатывающегося Рада, Лия быстрым и неслышным шагом направилась к Стене. Ион, набросив на «спираль Бруно» свой толстый кожаный плащ, уже привязывал веревку к одному из штырей, торчащих с внешней стороны укрепления.

– Спустишься – я сразу же отвяжу веревку, все меньше улик, – сказал он подошедшей девушке. – Осторожнее, за «колючку» не зацепись...

– Спасибо тебе за все.

Взгляды Иона и Лии встретились, и сыну директора стало не по себе. Неужели он никогда больше не увидит этой милой улыбки, взгляда этих чудесных зеленых глаз... Вот сейчас Лия, как это часто бывало, ободряюще хлопнет его по плечу, а потом спустится вниз по веревке и покинет Зону Трех заводов... Навсегда. Какое это страшное слово – навсегда...

И тут произошло то, чего Ион совсем не ожидал.

Одинокая слеза скатилась по щеке девушки, и Лия вдруг крепко обняла стаббера, прижавшись к нему всем телом. Ион ощутил тепло ее дыхания, ее рук... и нежность губ девушки, прильнувших к его колючей щеке.

«Не мог побриться, болван...» – мысленно укорил себя

стаббер. Виданное ли дело! Всех мужчин Лия постоянно держала на почтительном расстоянии от себя, ни словом, ни намеком никому не отдавая предпочтения. По-товарищески руку пожать, по плечу похлопать – это запросто, но не более. И слез ее никто никогда не видел. И вдруг – вот так...

– Спасибо тебе... – тихо произнесла она. – Ты же меня спас сегодня...

Ей явно пришлось сделать над собой усилие, чтоб отстраниться. Впрочем, не только ей. Но времени в запасе было совсем немного.

– Еще увидимся, – произнесла девушка, тщательно скрывая дрожь в голосе. – Удачи на пути воина, Ион.

– Удачи на пути воина, Лия, – хриплым от волнения голосом отозвался молодой стаббер...

... Непросто было развязать узел на веревке. И не только потому, что для этого нужно было, рискуя свалиться вниз со Стены, лежать грудью на витках колючей проволоки, пружинящих под весом человека. Было в том действии что-то символическое, его, Иона, руками окончательно разрывающее связь Лии с Зоной Трех заводов. Она уходила в сторону Заставы, чтоб пересечь Мост и навсегда покинуть родной дом, так неожиданно ставший чужим и враждебным. Уходила быстрым шагом, не оборачиваясь, как будто боясь передумать.

А небритая щека Иона все еще горела от ее поцелуя.

Миновав Заставу, девушка вступила на Мост через Канал, когда-то давно носивший имя сожженного города.

Вопросов у пограничного отряда не возникло – Лия часто ходила в рейды на опасную территорию и всегда возвращалась обратно. Вот же отчаянная девчонка! Не каждый мужик рискнет в одиночку перейти на левый берег. Так что неудивительно, что во взглядах суровых бойцов, несущих вахту на Заставе, читалась сложная смесь уважения к девушке как к бойцу, замешанная на восхищении ее красотой.

Но Лии не было дела до чужих взглядов. На востоке, над руинами древнего города, разгорался восход солнца, и Лия уверенно шагала ему навстречу, слегка щурясь от набирающих силу лучей пробуждающегося светила. Символично, дамп побери. Новая заря – новая жизнь...

Сомнений не было. После всего произошедшего Зона Трех заводов стала для Лии чужой. Вот только Ион... Лишь по нему она и будет теперь тосковать, скитаясь по полным опасностей просторам мертвого мегаполиса.

«А неплохо было бы однажды вернуться. С армией таких же воинов, как я. И перетряхнуть эту Зону, изменить ее раз и навсегда...»

Помечтать – оно никому не вредно, даже если ты сильная личность, привыкшая действовать, а не тешить себя ожида-

нием чуда. Тем более, что скоро будет не до мечтаний. С той самой минуты, как Мост окажется позади...

За спиной Лии послышался знакомый звук. Похоже, не одна она любит выходить за Стену ни свет ни заря. Правда, новоявленные любители предпочитали не выходить, а выезжать на электрокаре, что настораживает весьма и весьма.

Электрокары в основном использовались заградотрядами внутренней стражи во время Игр, либо на территории Зоны – для поддержания порядка. Для дальних рейдов на опасные территории были предпочтительнее электроциклы – оснащенные бронезащитой машины с куда большей проходимостью и грузоподъемностью. Значит...

«Значит, погоню все-таки выслали!»

Лия оглянулась. Электрокар был еще далеко и приближался достаточно медленно. А Мост почти пройден... Рвануть бы с места, преодолеть оставшийся участок Моста – а там прочь с дороги, к руинам, где маленькому грузовичку с электромотором не проехать никакими силами. Успела бы. Если б не одна проблема – пулемет «Корд», установленный на электрокаре.

Сейчас девушка была как на ладони. И хотя каждый патрон в Зоне – на вес золота, кто знает, какой приказ получили преследователи. Полоснут короткой очередью по ногам – и все, отбегалась Лия. А вынашивать и рожать и без ног можно. Второй зам ни перед чем не остановится для достижения того, что наметил, а его сынок и подавно... Так что

пока не рыпаемся, шаг не ускоряем, идем спокойно дальше. Чем дальше отойдем, тем лучше, а далее – по ситуации.

Электрокар приближался. А Лия продолжала идти дальше как ни в чем не бывало.

– Стоять!!!

Девушка остановилась и повернулась на голос. Электрокар тоже прекратил движение.

– Далеко собралась, сучка? – нагло ухмыляясь, спросил гнилозубый, щербатый тип, стоящий за пулеметом.

– А тебе, шестерка, какое дело? – осведомилась Лия.

Сжав кулаки, девушка замерла. Со стороны казалось, что она просто встала в боевую стойку, чтобы сохранить лицо, – перед «Кордом» как ни становись, все едино, если перед тобой нет стационарно установленного бронелиста толщиной в твою руку. На самом же деле Лия незаметно совершала нехитрые манипуляции согнутыми пальцами рук, цепляя ими за специальные петли на ремешках. Сами ремешки были привязаны к спрятанным в рукавах метательным ножам, которые сейчас понемногу вытягивались из ножен-тайников, готовые незаметно лечь в ладони.

– Это я-то шестерка? – нехорошо ухмыляясь, выдал щербатый. – Ладно. Щас мы тебе покажем, кто тут шестерка. Че в позу-то встала? Типа крутая, что ли? А поза-то не та, не та. Хотя понимаю – опыта нет. Ничего, скоро он у тебя будет в избытке, гыыыы!

Щербатый чесал языком, а тем временем из кабины не

спеша выходил водитель электрокара. Даже если б он захотел сделать это быстро, вряд ли бы у него получилось – все же слава Лии как воина была известна всей Зоне Трех заводов, потому подготовился водила основательно. Кольчуга, покрывающая не только тело и руки, но и шею, стальной нагрудник, древний закрытый шлем с забралом из толстого бронестекла, стальные наручи, штаны из грубой толстой кожи, усиленные стальными пластинами, прикрывающими в том числе и промежность. Незащищенными оставались лишь ладони, в одной из которых броненосец сжимал пистолет Макарова, в другой – крепкую веревку. Покинув кабину, водитель электрокара сразу взял девушку на мушку и начал медленно приближаться.

Зато щербатый, похоже, чувствовал себя как у Великого Механика за пазухой. Камуфляжная рубаша, расстегнутая в районе воротника – вот и вся защита. Ну, а что ему? Стоит весь такой деловой и отважный за «Кордом», и даже подходить к своей жертве не надо – только держи на прицеле и жди, когда ее повяжут.

– Оружие не землю! – раздалось из-под шлема. Броненосец остановился в трех шагах от девушки, продолжая держать ее на прицеле.

Щербатый мерзко заржал, видя, что Лия подчинилась – вытащила мечи из ножен и положила их на растрескавшееся от времени асфальтовое покрытие моста. Затем потянулась к ремешкам, удерживающим за спиной саadak с луком

и стрелами...

Перед глазами пулеметчика уже вырисовывалось желаемое продолжение. Вот на асфальт вслед за мечами и саадаком падает кожаный доспех, рубаха... На фоне восходящего солнца силуэт девушки выглядел более чем соблазнительно. Нервно поглаживая металл пулемета, щербатый нетерпеливо облизывался и мерзко хихикал.

Продолжение не заставило себя ждать. Правда, немного не то, которого ждали подручные второго зама Директора Зоны Трех заводов.

Саадак еще падал вниз, когда фигура девушки вдруг резко сместилась в сторону. Лучи восходящего солнца ударили в стеклянное забрало, на мгновение ослепив водителя электрокара.

Тем не менее, свое дело он знал и на спусковой крючок «Макарова» нажал незамедлительно – вернее, попытался. Но не получилось. Оказалось, что нажимать-то и нечем. Один из метательных клинков Лии отрубил две фаланги указательного пальца и вонзился в ладонь. Кусочек окровавленной плоти скользнул по спусковой скобе пистолета и упал на асфальт, судорожно сокращаясь, словно все еще пытаясь нажать на спуск пистолета, ставшего бесполезным для его хозяина.

Броненосец взревел – не от боли, которая еще толком не успела о себе заявить, а от ярости. Бросив веревку, водитель электрокара вырвал из ладони клинок, отшвырнул его в сто-

рону и перехватил пистолет в левую руку.

Но выстрелить не успел.

Лия уже была рядом. Одно неуловимое движение — и пистолет, ловким движением вывернутый из руки водителя электрокара, необъяснимым образом оказался у девушки. Несмотря на защиту, выстрел в упор согнул броненосца вдвое. Толстая стальная пластина, откованная в цехах Зоны Трех заводов, выдержала удар пули, правда, сильно прогнулась назад, раздавив лобковую кость. Конечно, не смертельная травма, но вряд ли в ближайшее время незадачливый броненосец будет смотреть в сторону красивых девушек. Не до этого ему будет.

А щербатый теперь вообще ничего не видел. Он верещал от боли, зажмутив один глаз, в то время как другой стекал по его щеке. Второй метательный нож Лии торчал из пустой глазницы пулеметчика, а тот все не решался выдернуть его из страшной раны. Некоторые люди запросто причиняют страдания другим, не думая о том, что однажды кто-то может отплатить им той же монетой. Что ж, сейчас у щербатого имелось несколько секунд, чтобы осознать, проникнуться и раскаяться в том, что он делал всю свою сознательную жизнь. Правда, на все про все у него было лишь несколько секунд...

Лия вскочила на электрокар, выдернула клинок из глазницы верещащего врага и обратным движением руки перерезала горло одноглазого пулеметчика. Тело поверженного врага

га, скрючившись и булькая располовиненной трахеей, сползло на дно пулеметного гнезда. Усевшись на свежий труп, девушка ухватилась за пулемет и направила его на броненосца, хоть и с трудом, но все же принявшего вертикальное положение.

Секунду Лия раздумывала – может, пощадить излишне преданного слугу второго зама, и так получившего неслабую травму? Но, с другой стороны, о чем думал этот урод, когда упаковывался в металл, чтобы поймать девушку, осмелившуюся мечтать о свободе? Жалость имеет смысл по отношению к тем, кто ее достоин. Ее бы верные слуги второго зама не пощадили, так зачем она должна кого-то щадить?

От крупнокалиберных пуль «Корда», выпущенных с трех метров, не спасет никакая нательная броня. Короткая очередь насквозь прошила тело водителя электрокара вместе со всей его защитой. Последнее, что броненосец увидел в этой жизни, падая на асфальт, были струйки крови, брызжащие из нескольких неслабых отверстий в его нагруднике...

Расправившись с последним врагом, Лия спрыгнула с платформы электрокара и подобрала свое оружие – сначала мечи и саадак, а потом и окровавленные метательные ножи, вновь выручившие ее в крайне сложной ситуации.

– Вот так, – жестко произнесла девушка. – И никак иначе.

Тяжелый ящик... Надо б нести его вчетвером, самое то было бы. Вдвоем-то совсем беда. Но в цеху аврал, рабочих рук не хватает. Так что поднатужились и понесли. И ладно бы вниз его тащить, еще туда-сюда, а вот наверх – тоска смертная...

У раба под номером «четыреста один» высотобоязнь была развита намного лучше мускулатуры. Руководству про то неизвестно – да и стало бы это их проблемой? Руки-ноги целы, значит, к работе пригоден. Хотя правая нога как раз в последнее время у раба пошаливала – многомесячный тяжелый физический труд давал о себе знать, и «четыреста первый» слегка прихрамывал, даже когда шел налегке. А с таким грузом – и подавно.

– Уфффф... – выдохнул напарник «четыреста первого». – Тяжесть какая... Хорошо «триста тридцатому», вон какие дуры ворочает с довольной рожей, будто в бирюльки играет... Громила, блин...

«Четыреста первый» невольно посмотрел вниз, туда, где работал двужильный громила...

Лучше бы не смотрел. К боли в ноге добавилось головокружение. «Четыреста первый» покачулся – и край тяжелого ящика выскользнул из его рук.

– Ааа... Держи! Держиии!!!

Ящик проскрежетал по ограждению переходной площадки и начал свое стремительное падение на пол нижнего яруса цеха. Как раз туда, где в тот момент стоял какой-то сгорбленный бородач.

Он услышал предупреждающий крик и даже успел поднять голову, но с реакцией у горбатого явно были проблемы... Которых, как оказалось, и в помине не было у «триста тридцатого». Недостатком скорости и прыгучести огромный раб, несмотря на свои габариты, тоже не отличался.

Его звали Бор, хотя окружающим об этом знать было вовсе не обязательно. Для них вполне подойдет обезличенное «триста тридцатый». Имя – оно только для своих, которых в среде рабов можно было по пальцам пересчитать. Имя – это то, что мать дала только тебе. Твоя собственность, которую даже смерть никогда не сможет у тебя отнять...

Бор в два прыжка преодолел расстояние, отделяющее его от обреченного горбуна, сбил с ног и накрыл собой, приняв падающий ящик на свою широкую спину.

– Ыыххх... – выдохнул здоровяк сквозь зубы. Как же больно! Что, впрочем, и неудивительно – страшный удар углом тяжеленного ящика между лопаток был вполне достаточно для того, чтобы разнести грудной отдел позвоночника на мелкие части.

Однако Бор не спешил превращаться в парализованного инвалида. Более того – выпустив пребывающего в предынфарктном состоянии горбуна, расправил плечи, поднялся на

ноги и, задржав голову, посмотрел наверх, на остолбеневших незадачливых носильщиков.

– Осторожнее, блин! Так же и убить можно! – с детской непосредственностью прокричал громила. – И рубаха вот порвалась, теперь зашивать придется...

А счастливо спасенный бородач уже отходил от шока, пляясь на оголившийся участок широченной спины Бора. Обычного человека, будь он хоть каким громилой, такой удар припечатал бы к полу, переломав при этом половину костей...

Но то обычного человека...

Глубокие раны на разодранной спине «триста тридцатого» затягивались прямо на глазах, словно невидимые хирурги зашивали их прозрачными нитками с невообразимой скоростью.

* * *

Рабы делятся на две категории.

Первые, оказавшись в столь незавидной роли, остаются верны себе. Да, они будут работать на хозяина, но при первой же возможности постараются сбросить с себя кандалы. Такие всегда протянут руку товарищу по несчастью, не станут грызть друг другу глотки за пищу и воду, не выдадут своих. И если смогут вырваться на свободу, то всегда найдут в себе физические и моральные силы начать новую жизнь – жизнь

не раба, но свободного человека.

Но есть и вторые... Те, что никогда не убегут из клетки, даже если предоставить им такую возможность. Свобода для них – не цель, а пугающая неизвестность. В неволе им проще... Хозяин и накормит, и клетку закрыть не забудет, чтоб никто не ворвался, и скажет, что, как и когда нужно делать. Только выполняй все в точности и не беспокойся более ни о чем. Обо всем подумает хозяин. А о чем не подумает – то, значит, оно и не нужно. Такие и родному отцу глотку пере-режут за кусок прогнившего мяса или в хлам стоптанные ботинки. И об ускользнувшей от глаз хозяина провинности, допущенной другим рабом, донесут непременно, а также утопят, закопают, зарежут кого угодно, если это сулит им прибавку к жалкому пайку...

Даже если «кто угодно» только что спас им жизнь.

– МУТАААААААААНТ!!!!!!!!!!

Крик горбуна, трясущимся пальцем указывающего на громилу, заполнил весь цех. Бор обернулся, непонимающе уставившись на человека, которого только что спас от неминуемой смерти.

– Шестой, ты чего это?

– Прости, триста тридцатый... – пролепетал горбатый предатель, пятясь назад. – За вычисленного мутанта мне сегодня выдадут двойной суточный паек, как у тебя...

В другом конце цеха уже были слышны грубые окрики и звон оружия – к месту событий спешила стража с обнажен-

ными мечами и взведенными арбалетами.

До Бора стала доходить вся мерзость ситуации. Он не особо интересовался нюансами внутренней политики руководства Зоны. Ему и слова-то такие были в диковинку. Сон, еда, охрана от агрессивного внешнего мира – и его работа в качестве оплаты за еду и охрану. Такой симбиоз с Зоной Трех заводов его вполне устраивал, больше его ничего не интересовало. Тем не менее, до него долетала порой информация о том, что мутантов здесь не любят. Вплоть до того, что просто убивают их, если находят. А Шестой только что именно так его и назвал. Мутант...

– Но я же... спас тебе жизнь...

Из глаз громилы потекли слезы. Он совсем по-детски всхлипнул, его губы задрожали.

– Таков закон, триста тридцатый, против него не попрешь, – с напускным вызовом проговорил Шестой.

Он говорил еще что-то, но Бор уже не слышал его. Дребезжащий голос предателя утонул в громком окрике:

– Стоять!!! Повернуться лицом!!!

Бор развернулся. Восемь стражников держали его на прицеле арбалетов, еще четверо обходили по сторонам, держа в руках мечи и прикрываясь коваными щитами.

– Что с ним не так?

От громкого окрика горбатый бородач аж присел. И, трясясь, выдавил из себя:

– Спина у него... Заживает быстро...

– Вижу, – тихо проговорил мечник с повязкой начальника смены на руке. Он как раз смотрел на финальную стадию схождения краев огромной раны на спине Бора. Жутковатое зрелище...

– В тюрьму его? – вполголоса спросил один из стражников.

– Да ты хоть знаешь, кто это? – так же тихо промолвил начальник смены. – Этот триста тридцатый выломает и решетку, и дверь, лови его потом... – И резко, словно смертоносное копьё, бросил команду:

– Бей!!!

Одна за другой щелкнули тетивы арбалетов...

Но за долю мгновения до этого Бор резко прыгнул в сторону, сбил с ног мечника и бросился бежать. Поняв, что какое бы решение стража ни приняла, оно не будет означать для него ничего хорошего, громила сам принял решение. Единственно верное в данной ситуации.

Правда, и стражники были не лыком шиты. Среди них были как зеленые юнцы, так и ветераны-стрелки, способные на лету сбить пикирующего рукокрыла средних размеров. Поэтому не все арбалетные болты пролетели мимо цели. Один из них вонзился в плечо Бора, второй пробил насквозь ладонь...

Есть в Зоне поговорка: «меч – молодчина, а болт – дурачина». Однако в данном случае маленькая, но тяжелая стрелка, выпущенная совсем молодым стражником, совершила ис-

тинное правосудие – правда, не по желанию хозяина арбалета, а, скорее, по воле провидения.

Увидев смазанную тень, в которую превратилась габаритная цель, стражник дернулся от неожиданности и случайно нажал на спуск. Сорвавшийся с тетивы болт коротко свистнул – и поразил совсем не ту цель.

Горбатый раб даже не успел понять, что произошло. Его просто что-то сильно толкнуло в спину. А потом горбуну почему-то стало трудно дышать. Опустив глаза, он увидел, что из его груди торчит стальной наконечник с маленькой каплей крови на острие.

– Помогите... – выдохнул бородач, но в суматохе никто не расслышал его шепота. Впрочем, даже если б и услышали, вряд ли кто стал помогать человеку, так легко предавшему своего спасителя за миску вонючей баланды.

Поняв, что его никто не слышит, раб хотел закричать, но его горло издало лишь хрип, тут же перешедший в бульканье. Хлынувшая ртом кровища обильной струей смочила впалую грудь, прикрывающую поношенную робу и роскошную бороду, которой предатель так гордился.

Раненый захрипел, схватился за арбалетный болт, попытался вытащить его из груди – но тут силы покинули горбуна. Мир завертелся перед глазами бородача, и он даже не почувствовал боли, когда ударился об бетонный пол цеха вначале коленями, а потом и головой. Его угасающий взгляд остановился на лоскутке окровавленной материи, зацепившемся за

край ящика, который еще пару минут назад тащили по верхнему ярусу двое незадачливых носильщиков.

– Прости меня... триста тридцатый... – прошептал умирающий раб.

Но его по-прежнему никто не услышал.

* * *

Заново закрепить саадак за спиной – дело одной минуты, да и обыск мертвых подручных второго зама не занял много времени. Когда знаешь, что и где искать, затраты времени минимальны.

Трофеев Лия взяла немного – своего оружия и снаряжения хватало. Лишь новый «Макаров» броненосца привлек ее внимание. Вытерев пистолет от крови, девушка поместила его в кобуру, снятую с пояса броненосца, после чего закрепила ее на своем ремне. Затем, расстав по карманам запасные магазины к пистолету, она вошла на электрокар и отсоединила «Корд» от стойки.

Крупнокалиберный пулемет был тяжел для Лии, но и оставлять без присмотра столь мощное оружие было бы неверным решением. Хорошо, если заводские заберут. Хуже, если какой-нибудь приبلудившийся неонайдет и заинтересуется. А то и сообразит, что «Кордом» можно не только махать, как дубиной. В любом случае, попади пулемет не в те руки, никто не гарантирует, что из него не станут стрелять

по тебе же. Мегополис, спаленный огнем Последней Войны, тесен и смертельно опасен для тех, кто не приучен думать о своем будущем...

Поэтому, сняв пулемет, Лия не поленилась отнести его подальше от шоссе, в лабиринты развалин, где у нее был профессионально оборудованный схрон. Туда девушка и определила трофейный «Корд», после чего вновь тщательно замаскировала укрытие.

Глава 2

Таинственный враг

Никогда раньше Бору не приходилось столь быстро бегать и так далеко прыгать. Да он и не ведал, что обладает такими навыками, – просто ни к чему было с такой скоростью носиться по Зоне... Как и не знал он до этого, что может принять на себя падающий тяжеленный ящик без риска стать инвалидом или умереть. Не знал, что может бежать с несколькими арбалетными болтами в теле. Не знал, что может прыгнуть со Стены и даже ног не отбить. Много чего, оказывается, не знал Бор о себе до сегодняшнего дня.

Приземлился он легко и мягко, как будто с лежанки спрыгнул. И спина, совсем недавно разрываема болью, больше не беспокоила, как будто и не падал сверху на нее неподъемный груз. В момент того рокового прыжка, спасшего жизнь горбатого раба, Бору будто кто-то шепнул: «Прими удар на себя! Это не смертельно!»

И далее подобные безмолвные подсказки он получал, на виду у всех пересекая территорию Зоны под обстрелом арбалетов. И со Стены прыгнул по той же причине. Интуиция, что ли, проснулась, о которой много говорили стражники? Мол, есть воины, которые наперед знают, что в бою делать. Хотя какой из Бора воин? У них, может, и просыпается что-

то, а у раба такому откуда взяться?

Тем не менее, сейчас, убежав от Стены на почтительное расстояние, Бор точно знал – арбалетные болты, вонзившиеся в тело, нужно просто выдернуть. Что он и сделал, превозмогая боль, после чего сел на землю и с интересом уставился на свои раны.

Едва начавшееся кровотечение из пробитой ладони очень быстро прекратилось, а сама рана медленно, но верно уменьшилась в размерах. Вот уже и нет ее совсем, будто бы не стрелял никто в беглого раба, пытаясь убить ни за что...

«Значит, и со спиной так же...» – подумал Бор.

Подумал – и заплакал.

Это были слезы разочарования и обиды. Слезы большого ребенка, впервые столкнувшегося с жестокостью и несправедливостью реального мира. О своей рабской доле Бор никогда особо не задумывался – он родился и вырос среди рабов, иной жизни не видел и не знал. Работал, ел и спал, так же, как делали его рано умершие отец и мать, как сотни таких же работяг, отрабатывающих свой паек и место в подземных жилых помещениях Зоны Трех заводов. Есть еда, есть крыша над головой, есть возможность на эту еду и крышу заработать – а больше ему ничего и не надо было. Он работает – его кормят и защищают, все правильно. Потому и не было никогда у Бора ощущения, что с ним кто-то поступает несправедливо.

Теперь же прежний, привычный уклад жизни в одночасье

рухнул. За что горбун, которому он спас жизнь, так поступил с ним? За что люди с арбалетами, поставленные защищать его и других жителей Зоны Трех заводов, пытались его убить? Он же никому ничего плохого не сделал... Работал, как и всегда...

– И чего плачем? – чей-то свистяще-шипящий шепот прервал поток тяжелых мыслей. – Мне бы такую регенерацию, как у тебя, так я б не ревел, словно жук-медведь, а радовался до потери пульса.

Бор поднял взгляд.

Перед ним стоял невысокий и худощавый мутант, одетый в невообразимо грязное рваньё, воняющее какой-то мерзостью. Была у того мутанта абсолютно лысая голова с глазами без век и окостеневшими губами, а также тщедушное тело с руками невероятно гибкими и длинными, очень напоминающими щупальца.

Бор резко вскочил и отшатнулся назад. Он никогда еще не бывал за Стеной, о мутантах, живущих за ее пределами, знал исключительно с чужих слов, и первое знакомство воочию с одним из них произвело на него неизгладимое впечатление.

– Не... подходи! – выговорил громила. – А то мне придется тебя больно стукнуть!

– Наслышан, да? – произнес мутант с явной обидой в голосе. – Все вы, хомо, такие! Осмы – мутанты, осмы – уроды, осмы – на помойках живут, дрянь жрут! А как осма на смерть посылать под пулеметы – так сразу такое внимание!

Загоняют, стреляют, ловят, как крысособаку какую. Тьфу!

Слова мутанта словно плетью стеганули ранимое сердце Бора. Особенно сейчас, когда он сам был изгнан из родного дома, внезапно став для всех... кем? Бородатый горбун называл его мутантом... И за это его пытались убить... Наверное, и этого мутанта так же все обижают. Только за то, что он мутант.

– Извини... – растерянно пролепетал Бор. – Я просто... просто испугался... Никогда раньше не видел таких, как ты...

– Ничего, бывает, – сказал осм с жутковатой улыбкой. – Меня Уфес зовут. А тебя?

– Бор. Или «триста тридцатый». Кто как.

Бор и сам не понял, с чего это он открыл странному мутанту свое имя. Может, из-за того, что все еще чувствовал свою вину перед ним. Неудобно-то как, обездоленного обидел...

– Вот оно что. А как тебе больше нравится?

– Бор... Так меня мамка называла.

– Уфес тоже тебя будет так называть. Бор пойдет вместе с Уфесом?

– Куда? – с интересом спросил беглый раб. Сам он не представлял, что делать дальше, куда идти. Все равно куда. Только бы не пытались убить...

– В гости к Уфесу и его друзьям. Ты, наверное, есть хочешь?

– Ага...

– Уфес тоже очень голоден. Пошли?

Мутант взял Бора за руку. На мгновение громиле показалось, что в немигающем взгляде Уфеса мелькнул нехороший огонек...

– Ты... как-то странно посмотрел, – неуверенно произнес Бор.

– Тебе показалось, – с улыбкой ответил Уфес. – Идем?

– Идем... Только руку отпусти. Я уже не маленький, сам могу. Иди вперед, я за тобой.

Осм кивнул, развернулся и быстро зашагал вперед.

Бор последовал за ним, и вскоре новый знакомый вывел его к Каналу, медленно и неторопливо несущему свои воды неизвестно откуда неизвестно куда. К берегу приближалась лодка, которой управляло двое осмов.

– Твои друзья? – спросил Бор.

– Они самые... – повернув голову, ответил Уфес все с той же улыбкой.

«Уффф, лучше б он не улыбался, – подумал про себя Бор. – Хороший он, добрый, но уж больно жуткая у него улыбка».

* * *

Лия не единожды посещала эти руины.

Она шла по своеобразному коридору, образованному раз-

валинами зданий, поросшими сорняками, и ржавеющими останками огромных биороботов. Там, впереди, как памятник когда-то процветающему жилому району, высилась чудом не рухнувшая многоэтажка. Заросли крыш-травы, вцепившиеся в древние стены многочисленными корнями, только укрепили этот памятник Последней Войне, взирающий на останки своих менее удачливых собратьев пустыми и безразличными глазницами оконных проемов.

По лестнице, изрядно подпорченной временем, но все еще проходимой, девушка поднялась на крышу многоэтажки. Отсюда открывался неплохой вид на правобережье. Правый берег... Еще вчера он ассоциировался с домом. Девушка с тоской смотрела на ставшую теперь враждебной Зону Трех заводов, на Мост, на Канал, пересекаемый одинокой лодкой...

Заинтересовавшись, Лия приставила к глазнице десятикратный монокуляр – чрезвычайно ценный трофей, найденный в одном из старых бункеров.

В лодке сидело четверо, причем один из них, с веслами в руках, сильно выделялся своим огромным, мускулистым телом на фоне трех других пассажиров – низкорослых и щуплых.

* * *

– Я такой большой и тяжелый... – произнес Бор. Когда он

залез в уютное суденышко, то заметно осело, едва не черпнув бортами воды. – Лодка выдержит?

– Выдержит, – успокоил громилу Уфес. – Она рассчитана и на больший вес.

До сегодняшнего утра Бору не приходилось управлять лодкой, и сейчас он с детской радостью и энтузиазмом осваивал работу веслами. Уфес попросил здоровяка взяться за эту работу, Бор не отказался. Все естественно – он сильнее, ему и грести проще.

С лодкой здоровяк освоился быстро. Суденышко легко рассекало водную гладь, приближаясь к берегу, рядом с которым из воды торчал ржавый остов какого-то громадного механизма.

Осм снова ободряюще улыбнулся, похлопав по руке способного ученика, и вот уже во второй раз Бору что-то не понравилось в этой улыбке... Более того, в его голове с той минуты, как он сел в лодку, вдруг начали возникать какие-то неясные мысли... Поначалу Бор ничего не смог разобрать, что было очень странно. Собственные мысли порой хаотичны и противоречивы, но они хотя бы всегда понятны. А сейчас в голове беглеца роились странные обрывки фраз, не пойми как проникшие в сознание.

Впрочем, вскоре странная мешанина в сознании исчезла. Но вот Уфес похлопал Бора по руке... и все повторилось. Только теперь все было куда более понятным, словно несколько человек устроили переговоры прямо в череп-

ной коробке здоровяка. Это были очень странные переговоры без слов, эдакие мыслеобразы, возникающие сами собой в сознании Бора. Но он все понимал так, будто говорившие совещались между собой, при этом одновременно шепча громиле в оба уха.

«...Уфес! Кого это ты тащишь?..»

«...Еду...»

«...Я же приказал – не трогать правобережных хомо! Еще не время!..»

«...Все под контролем, Ург... Этот хомо – раб, сбежавший с Зоны Трех заводов... Его никто не будет искать... И он глуп, словно трехлетний ребенок... К тому же он очень быстро регенерирует... Хорошая еда... Отрезаешь по куску каждый день, а назавтра снова туша будет целой... Кормить его можно падалью, этому проглоту без разницы...»

Бор потрянул головой. Странные мысли... Уфес... Ну да, вот он сидит напротив. Но кто такой Ург?

«...Идиот!.. – прорычал в голове Бора голос невидимого Урга. – Этот хомо – мутант, который сейчас читает наш мыслеобмен как открытую книгу!!!»

Безмолвный возглас был настолько ярким и эмоциональным, что Бор от неожиданности резко вскочил, выпустив из рук весла...

Лодка качнулась.

Это Бора и спасло.

Уфес понял – он ошибся с этим тупым громилей. А так

легко все показалось вначале! Уфес запросто влез в мысли Бора, легко втерся в доверие. А вот дальше начались сюрпризы...

Матушка Природа, недодав этому имбецилу-переростку ума, взамен наградила его не только способностью к регенерации, но и мощным иммунитетом, способным противостоять даже яду осмов, медленно разлагающему плоть. И уж никак не укладывалось в лысой пупырчатой голове Уфеса, как это великовозрастное дите умудрилось прочесть его мысли! Способность осмов управлять инфицированными жертвами и читать их мысли в случае с Бором не просто дала осечку, а обернулась против них самих, открыв громиле их ментальную сеть!

«Эх, не удалось попировать...»

С этой мыслью Уфес раскрыл клювообразный рот и плюнул...

Но черное кислотное облако задело Бора лишь несколькими крошечными брызгами. Лодку качнуло, Уфес потерял равновесие, и его плевок пролетел мимо.

Попади он точно в цель – и никакая регенерация не восстановила бы тело Бора, лишённое головы и торса. А так громилка получил лишь несколько крохотных, но чувствительных ожогов, боль от которых окончательно дала ему понять, что его снова пытаются убить...

– Ах ты... плохой!!! – закричал Бор, отвешивая Уфесу крепкую оплеуху.

От такого неожиданного подарка коварный осм вылетел за борт. Его тело, словно плоский камешек, пару раз подпрыгнуло над водной гладью, прежде чем погрузиться в нее. Однако Уфес тут же вынырнул и рефлекторно замахал своими щупальцеобразными конечностями, пытаясь удержаться на поверхности.

Двое других осмов, сидевших на носу лодки, даже не взглянули на своего товарища, попавшего в весьма сложную ситуацию. Едва тощее тело Уфеса перестало заслонять неожиданно непокорное мясо, осмы одновременно плюнули в громилу смертоносными черными облаками.

Но Бор, изо всех сил оттолкнувшись от днища лодки, уже летел над мутантами, распластавшись в длинном прыжке...

Что за мир? Его пытались убить в Зоне Трех заводов, теперь пытаются убить здесь... Почему все такие злые? Что он им сделал?...

Бор приземлился на ржавый остов биоробота, возвышающийся над берегом, и совсем было уже собрался бежать дальше, пока его не настигли злые мутанты. Но тут над гладью Канала раздался хриплый, полный боли крик, и Бор невольно обернулся.

Вода вокруг бултыхающегося Уфеса бурлила, медленно но верно окрашиваясь кровью. Десятки небольших, но кровожадных рыб вырывали из тела осма кусок за куском, явно не заботясь о том, чтобы их неожиданный завтрак умер быстро...

Но двоих соплеменников Уфеса его судьба не беспокоила. Схватив весла, они изо всех сил гребли к левому берегу. В результате прыжка Бора лодка заполнилась водой чуть ли не до края бортов и вот-вот должна была пойти ко дну. Поэтому мутанты старались вовсю, не желая разделить участь своего товарища.

Бор не стал ждать, пока водяные чудовища доедят осма, встреча с двумя его соплеменниками тоже не входила в его планы. Поэтому здоровяк решительно перепрыгнул с ржавого остова на бетонный берег – и замер.

Он стоял прямо напротив руин, заваленных ржавыми обломками каких-то механизмов. И несколько осмов целенаправленно продвигались через них, направляясь к берегу.

Зачем – Бору стало ясно сразу же. Либо Уфес перед смертью вызвал подмогу, либо двое преследователей на лодке, поняв, что добыча уходит, вызвали отряд поддержки. Так или иначе, отступить беглецу было некуда. Единственная возможность – это броситься вперед в надежде проскочить мимо отряда осмов и затеряться в лабиринте развалин и ржавых механизмов. Слабая надежда, но все-таки это лучше, чем безропотно стать пищей для клюворотых тварей, умеющих копаться в чужом мозгу словно в собственном кармане...

Осм по имени Ург сидел, прислонившись к единственной бетонной стене своей камеры-клетки, рассылая по ментальной сети один-единственный приказ – преследовать и убить мутанта-хомо, теперь знающего слишком много.

Этот вечно голодный идиот Уфес своими необдуманно-ми действиями подставил под удар весь свой народ! Из года в год осмы мыкались по радиоактивным помойкам, без боя сдавались в плен, умирая десятками, – все ради того, чтобы убедить этих правобережных хомо в своей якобы ущербности. Убедить – и следить за ними, выжидая удобного момента для нанесения удара...

Численность народа осмов уменьшалась с каждым днем, и недалек тот день, когда она достигнет черты, за которой останется лишь вымирание. Вся надежда была на Шанс... Шанс, который может навсегда стать иллюзией из-за того, что у болвана Уфеса хватило ума поохотиться на мутанта с инфантильным сознанием, но невероятно мощным иммунитетом! И хорошо, что сейчас Уфес, решивший не особо напрягаясь заполучить себе роскошный завтрак, сам стал завтраком! Только бы эти рыбы жрали его подольше!

А тот мутант... Понял ли он, на что способны осмы? Вряд ли... Но он сумел внедриться в их ментальную сеть! Кто знает теперь, что он успел услышать и понять? Теперь расскажи

он об этом кому поумнее и сумеет этот гипотетический умник разложить по полочкам его детский лепет – и на осмов посмотрят уже совсем иначе... Не как на париев и тварей дрожащих, а как на реальную угрозу. И тогда ни хомо, ни нео, ни вормы, никто не пожелает терпеть соседства мутантов, способных легким движением гибких рук превращать живое существо в рабочий инструмент и ходячий рюкзак с пищей!

Вероятность мала... но рисковать Ург не мог. Осмы-разведчики получили его приказ – и они обязаны его выполнить. Заодно и поедят. Не пропадать же зря куску мяса, из-за которого на Урга внезапно навалилось столько проблем.

* * *

Бор метался по руинам, пытаясь скрыться.

Пока что ему везло... Осмы то и дело выскакивали из-за завалов, остатков стен, ржавых механизмов и плевали в него своими страшными облаками. Ожоги от кислоты Уфеса уже не болели и практически исчезли – но Бор видел, как шипит, плавясь, металл древних ржавых механизмов при попадании в них чудовищного плевок... И здоровяк уходил от контакта с кислотными облаками – когда прыжком, когда перекатом, а когда и бросая в осмов подвернувшийся под руку кусок обвалившегося здания. Как и во время побега с Зоны, его организм словно подсказывал ему, что нужно делать,

чтобы остаться в живых. Это было странно, очень странно, так как до этого Бору не приходилось убегать, прятаться и защищаться от вражеских атак подручными предметами.

Но в то же время с каждой минутой в его сознании рос и набирал силу панический страх. Бора пугало то, с какой легкостью осмы каждый раз находили его, где бы он ни пытался укрыться. При этом каждый раз их было несколько. Как будто у мутантов были общие глаза и каждый осм передавал видимую им картинку остальным.

На самом деле, так оно и было. Единая ментальная сеть позволяла осмам получать сигнал о местонахождении цели, если ее видел хотя бы один из них. И они неуклонно преследовали Бора, целенаправленно загоняя его в ловушку.

И, в конце концов, им это удалось...

Бежать с каждой минутой становилось все труднее. Организм, вымотанный регенерацией, борьбой с ядом, продолжительным бегом и частыми прыжками, вдобавок с вечера предыдущего дня не получавший пищи, понемногу сдавал свои позиции. Перед глазами Бора плавал туман, прерывистое дыхание с хрипом вырывалось из груди, думать становилось все труднее. Поэтому беглец понял, что произошло, лишь оказавшись на относительно открытом пространстве среди руин.

Спрятаться здесь было негде, бежать – некуда... Осмы окружили его со всех сторон. Самый мерзкий из них, с несомерно большими костяными губами и жуткими шрамами

на пупырчатой голове, сделал шаг вперед, раскрыл рот – и плюнул.

«Вот и все», – возникла в голове Бора вялая мысль.

Но он ошибся...

На этот раз вместо смертоносного облака изо рта врага вылетел лишь веер брызг, не пролетевший и метра. Черная кислотная слюна закапала с нижней челюсти, падая на бетонное крошево вместе с тягучими каплями расплавившегося наконечника стрелы, который, пробив затылок осма, вышел через его окостеневший рот.

Мутант всхлипнул – и упал на кучу строительного мусора. Соратники шрамированного уroda не успели понять, что происходит, как еще один из них, зашипев, повалился набок, в предсмертной агонии хватаясь гибкими пальцами за торчащий из груди наконечник стрелы.

– В руины, здоровяк!!! – донеслось до ушей Бора.

Откуда только силы взялись! Бор собрался – и прыгнул. Запоздавший на долю секунды кислотный залп лишь превратил в рыжую грязь остатки кирпичной стены, возле которой беглец стоял мгновение назад.

Осмы яростно зашипели и сорвались с мест. Правда, при этом один из них, едва взяв разгон, вдруг споткнулся, растянулся в луже и больше не встал – стрела вошла ему точно в сердце.

Оставшиеся в живых осмы разделились на две группы. Одна бросилась в погоню за укрывшейся в руинах стропти-

вой добычей, другая же бросилась вслед за невесть откуда взявшимся лучником, гибкая фигура которого промелькнула – и пропала среди развалин.

* * *

Заключенным тюрьмы Зоны Трех заводов, сидящим по соседству с клеткой Урга, казалось, что осм превратился в каменное изваяние. Глаза мутанта уставились в одну точку, ни один мускул на его лице не шевелился. Казалось, что Ург перестал даже дышать.

На самом деле, осм был напряжен до предела.

Ходячий окорок, не ко времени подвернувшийся покойному Уфесу, оказался не только живучим, но и везучим. Еще бы пара секунд, и невесть что возомнившая о себе еда растеклась посреди древних руин черной лужей. Но порой две секунды – это очень много. Например, за это короткое время к обреченной жертве пришло спасение в лице опытной, хорошо знающей свое дело воительницы-хомо.

Она явно не в первый раз появилась в этих руинах... Иначе как объяснить тот факт, что слаженные действия преследующих ее осмов не увенчались успехом, а лишь ненадолго оттянули их смерть от руки ловкой хомо? Она перемещалась по руинам лишь одной ей известными тропинками, не позволяя ни окружить себя, ни загнать в угол и при этом планомерно уничтожая хорошо обученную группу преследова-

телей.

С громилой было проще... Ург постепенно начал понимать: это великовозрастное дитя психологически не способно убить кого-либо. Отвесить оплеуху – может. А вот убить или покалечить – нет. Когда один из молодых осмов неожиданно для самого себя буквально уткнулся носом в торс Бора, что мешало здоровяку одним движением кулака пробить незадачливому преследователю череп или просто сбить его с ног и затоптать? С такими физическими параметрами это не было бы проблемой... А здоровяк просто оттолкнул осма в сторону, при этом заметно сдержав усилие...

Впрочем, все это не прибавляло оптимизма на фоне действий лучницы, оказавшейся настоящим профессиональным убийцей.

* * *

Жуткий, немигающий взгляд, полный ненависти... Уродливые, покрытые присосками, невероятно гибкие пальцы... И чудовищный оскал клювообразного рта... Этот осм оказался более ловким, чем его собратья, и в последний момент успел увернуться от стрелы, которая сломалась об стену за его спиной.

Он, безусловно, выпустил бы в ответ кислотное облако – но, увы, любое оружие дистанционного боя требует времени на перезарядку. Осму нужно было еще несколько се-

кунд, чтобы подготовить следующий плевок. А лучница-хomo уже тянула из колчана следующую стрелу... Поэтому мутант просто бросился в рукопашную.

Впрочем, «в рукопашную» – громко сказано. Жилистостью, либо развитыми бицепсами руки-плети осмов не отличались. Но Лия как-то сразу интуитивно поняла, что эти «плети» являют собой оружие не менее страшное, чем плевок, способный расплавить металл. И что нельзя ни в коем случае допустить, чтобы эти мерзкие присоски коснулись ее тела...

А стрелять было поздно. Даже если она выпустит стрелу – длинные руки-плети все равно успеют зацепить ее... И мечи доставать поздно: на это требуется мгновение, которого у девушки уже не было.

Тело осма распласталось в прыжке, мерзкий клюв приоткрылся, готовясь впиться в податливую человеческую плоть. Но вместо этого и гибкие руки, и окостеневшая пасть осма встретили лишь пустоту...

Видя летящее на нее чудовище, девушка бросила лук и упала на спину, подстраховав себя руками. При этом падение получилось практически безболезненным, если не считать какого-то обломка кирпича, впившегося в спину. Но это явно мелочи по сравнению с перспективой попасть под удар осклизлых плетей, снабженных жуткими присосками.

Более того – продолжив движение, девушка прогнулась в спине, практически встав на лопатки, и резко разогнула обе

ноги вверх, метя ими в одну точку.

От удара двух натренированных ног, усиленного металлическими набойками на подошвах берцев, незащищенная и весьма хрупкая по человеческим меркам грудная клетка осма хрустнула, словно насквозь прогнившая деревяшка. Руки-плети беспомощно трепыхнулись, пытаясь найти опору... Но где же ее взять в воздухе, по которому обмякшее тело осма отправилось в свободный полет? Правильно, нигде.

Пролетев метров пять, осм рухнул на кучу бетонных обломков. Сломанные ребра немедленно дали о себе знать жуткой болью, но тем не менее мутант попытался встать. Воины его племени приучены не обращать внимание на такие мелочи, как боль. К тому же во рту осма теперь была кровь. Его кровь, которой можно плюнуть в лицо ловкой хомо. Конечно, это не чистая слюна, способная прожечь череп до затылка, но ее количества, примешанного в кровавый плевок, вполне хватит для того, чтобы сжечь глаза ловкой лучницы. А уж потом осм найдет способ, как добить ее...

Правда, была одна сложность. Гибкая фигурка исчезла из поля зрения. Только что была здесь, лежала на земле – и вот уже нет ни ловкой хомо, ни ее лука... Осм приподнялся, озираясь... и тут же рухнул обратно, пригвожденный к куче мусора клинком меча. Проклятая хомо перехитрила воина народа осмов, зайдя сзади и нанеся решающий удар в шею.

– Мы еще встретимся... в Краю Вечной войны, – пробулькала горлом умирающий осм.

– Счастливого пути, – сказала девушка, нанося второй удар и с хрустом проворачивая меч в ране.

Покончив с поверженным врагом, Лия прислушалась. Ага, понятно. Судя по доносящемуся шуму и воплям мутантов, здоровяк где-то неподалеку отбивается от осмов.

Взбежав по уцелевшим лестницам на «крышу», изначально бывшую полом третьего этажа некогда многоэтажного дома, Лия поняла, что у спасаемого ею громилы, одетого в рабочую робу Зоны, весьма странные представления о самообороне.

«Он, похоже, не понимает, что его хотят убить», – недоумевала девушка. Только что здоровяк ловко увернулся от смертоносного плевка, при этом отвесив нападающему осму... оплеуху. Видно было, что он специально сдержал силу удара. А в это время с тыла к нему подкрадывались еще двое мутантов, скрываясь среди развалин и явно собираясь атаковать со спины.

Две стрелы, выпущенные Лией одна за другой, поразили обе цели. Оставшаяся пара осмов среагировала мгновенно, быстро отступив и скрывшись за ржавыми останками огромного биоробота.

– Вот и убирайтесь! – донесся до ушей Лии крик громилы. – Сами начали, так вам и надо!

– Он это серьезно?

Лия не удержалась и задала риторический вопрос вслух. Слишком уж упорно осмы вели преследование и слишком

несерьезно оборонялся от них этот гипертрофированный ребенок, чтобы все вот так вот внезапно и легко закончилось. Сейчас эти хитрые твари подкопят ядовитых слюней, обойдут этого переростка с двух сторон и прикончат своими кислотными облаками. Им это будет раз плюнуть – во всех смыслах. Только слепой промахнется, метя в рассеявшегося на бетонном блоке громилу с понуро опущенной головой. И уж точно теперь они будут осторожнее и не полезут в открытую, дабы не попадаться на глаза надоедливой лучнице. Просто прошмыгнут среди многочисленных укрытий, чтоб, высунувшись на мгновение, угостить здоровяка кислотным облаком, – и дело сделано.

«Бросить бы это неблагодарное дело, – мелькнула циничная мысль. – Не приспособлено такое инфантильное существо к жизни в реальном мире. Не сегодня, так завтра его прикончат и сожрут. Или сожрут, не убивая предварительно, если любят свежатинку, – монстрам Зоны его надолго хватит... Только разозленные осмы явно не собираются медленно кушать его, отщипывая по кусочку. Умрет быстро – ему же легче...»

Лия все еще думала, а ее тело уже неслышно скользило вдоль руин в направлении раскуроченного ржавого гиганта, на котором расселся опечаленный здоровяк. Стоя на вершине разрушенного здания, Лия видела все, от начала до конца. Она не знала, почему громила пересекал Канал в компании осмов. Не знала, как он понял, что сел не в ту лодку. Но

она понимала другое. Недавний раб, сбежавший, как и она, с территории Зоны (а как еще объяснить то, что он здесь, а не в цехах Заводов?), стал жертвой вероломства этих лицемерных клювомордых тварей! Но дамп его побори, что стоило врезать посильнее той поганой твари, покушающейся на его жизнь?! С такими-то габаритами – один хороший удар, и осм, как минимум, окажется в отключке!

«Ничего, здоровяк, с тобой я еще поговорю...» – подумала девушка. Но сейчас надо было прикончить тварей, прячущихся за полусгнившим биороботом, иначе просто говорить будет не с кем...

Постепенно мысли Лии приняли другое направление. Так вот, оказывается, каковы осмы на самом деле... Лживые твари, чтоб их нео узлом завязали! Чего же они добиваются, живя на помойках, корча из себя жалких и никчемных пожирателей дряни, от которой и котяха вывернет? При этом осмы десятками подышают на Играх, ни разу не попытавшись сбежать или применить смертоносные плевки, о которых до этого никто никогда не слышал. Последние сомнения в их способностях рассеялись, когда Лия увидела, как развалилась надвое ржавая нога одного из покоящихся в руинах поверженных биороботов, пораженная черным плевком осма. Да уж, какими бы ни были истинные цели этих чудовищ, они никому не сулят ничего хорошего!

Первого осма Лия увидела, не дойдя метров десять до останков биоробота. Мутант крался на полусогнутых, но, увидев девушку, выпрямился и резко ушел в сторону, стараясь обойти с фланга лучницу, взявшую его на прицел.

На этот раз Лия не спешила стрелять. Она сразу поняла – противнику только того и надо. Стоит ей пустить стрелу – и осм в ответ выплюнет кислотное облако. Она-то увернется, но стрела гарантированно растворится, пролетая через черный сгусток смерти... И тогда плюнет второй мутант, прячущийся, скорее всего, вон за тем обломком кирпичной стены. Но, с другой стороны, почему бы не поиграть по правилам врага, которые ты разгадал?

Поэтому девушка, выждав пару секунд, спустила тетиву. И поняла, что не ошиблась в своих предположениях насчет тактики врага.

Черное облако вылетело из чрева осма. Девушка уклонилась – и выстрелила снова. На это раз наудачу, не видя противника, туда, где, по предположениям девушки, должен был оказаться второй мутант. Взвизг, тут же перешедший в хрип, сигнализировал о том, что лучница не ошиблась.

«Так. Выпустив кислотное облако, первый осм либо бросится в рукопашную, либо, поняв, что его напарнику хана, попытается скрыться среди руин, – промелькнуло в голове

Лии. – В первом случае еще вопрос, кто победит. Придется бросать лук и хвататься за меч, пытаясь отсечь смертоносные щупальца. Но, может быть, враг предпочтет бегство с поля боя и тогда, скорее всего, попытается скрыться вон в том коридоре, прямо за уцелевшим дверным проемом».

В тот проем Лия и выстрелила.

Удача не подвела. Как и интуиция.

Стрела пробила убегающему мутанту затылок, выйдя через клюворотое лицо аккуратно промеж глаз.

Так, территория, похоже, зачищена. Теперь самое время выяснить, не растащили ли осмы на составляющие странного громилу, не умеющего как следует постоять за себя. Будет весьма удивительно, если он еще жив, – в этом жестоком мире такие обычно гибнут сразу, как только покидают надежное убежище.

* * *

Бор устал до смерти. Почти буквально – до смерти. Устал физически и морально. Все, что ему сейчас хотелось, так это лечь и умереть. Тогда, может, все это закончится.

Вначале его пытались убить в родном доме. Он сбежал. И чего ради? Чтобы умереть как-то по-другому? Да, он знал со слов других рабов, что за Стеной – смертельно опасно. Но какими бы ужасными ни были рассказы о неведомой опасности, она порой не кажется такой уж страшной, пока не столк-

нешься с ней нос к носу. Угроза прямо перед тобой всегда будет страшнее угрозы, находящейся за сотни и тысячи метров от тебя.

Но теперь, оказавшись здесь, вдали от дома, ставшего смертельно опасным, Бор понял, что это ровным счетом ничего не поменяло. Здесь его тоже хотят убить. Правда, нашелся кто-то, попытавшийся оказать ему помощь... Но где он сейчас? Этих осмов слишком много, наверняка они...

– ЛОЖИСЬ!!!

Вряд ли Бор выполнил приказ осознанно. Ему-то было уже все равно. А вот его телу – нет. Тело и среагировало как надо, на тот самый голос, обладательница которого не так давно его спасла.

И смертоносный плевок осма вновь пролетел мимо цели, в последний момент распластавшейся на земле.

А стрела Лии поразила свою цель. Третий мутант, подкраившийся и на мгновение высунувшийся из-за укрытия, упал уже мертвым.

Бор всего этого не видел. Он лежал плашмя на животе, уткнувшись лицом в землю.

– Ну, теперь точно все зачищено. И долго лежать будем?

Теперь знакомый голос прозвучал прямо над головой. Бор слегка приподнялся, моргнул обоими глазами, но этим и ограничился.

– Встать!

Снова тот же голос, только немного потише... Впрочем,

металл в этом голосе был вполне ощутимым, не хочешь – вскочишь, словно тебя кинжалом кольнули.

Бор поднялся на ноги и уставился на Лию испуганными глазами. Впрочем, испуг быстро сменился восторженным удивлением.

Такая красивая... В Зоне Трех заводов стабберы и рабы не пересекались – первые размещались в элитной части Зоны, проводя все время либо на тренировочной базе, либо за Стеной, а последние обитали в подземных помещениях, имея право выйти за их пределы только для работы. Поэтому Бор, открыв рот, стоял столбом, в восхищении рассматривая красавицу-воина и не в силах вымолвить ни слова. В силу определенных задержек в развитии, он никак не мог рассматривать Лию в контексте сексуальной привлекательности. Но осознавать красоту женщины можно и не достигнув половой зрелости. И восхищаться ею, словно прекрасным цветком, умудрившимся вырасти на сожженной земле Зоны.

Однако девушке не было дела до по-детски восхищенных взглядов здоровяка.

– Быстро за мной! – не меняя тона, скомандовала девушка и сорвалась с места. Бор захлопнул рот, вздохнул – и подчинился.

Ург сидел запрокинув голову и смотрел на слабые лучи солнечного света, пробивающиеся из щелей старой тюремной крыши.

«Да, хомо недооценивают осмов, — думал он. — И сегодня осмы ответили им взаимностью».

Результатом такой взаимности стало непредвиденное сокращение и без того угасающей популяции его народа. Благодаря ментальной сети, Ург видел многое и многое знал о хомо. Но это утро было особенно щедрым на откровения.

Всего один человек... Да еще и женщина... Женщина, которой от природы положено быть слабой и покорной. А эта оказалась воином — на беду элитного отряда осмов. Причем превосходным воином! Ург ненавидел ее всей душой и вместе с тем уважал. Каких же усилий стоило ей стать той, кем она стала! Хотя, может, она тоже мутант, как и тот громила, внешне неотличимый от обычного хомо?

Но сейчас это уже неважно. Важно другое. Сегодня эта парочка узнала про то, что осмы вовсе не беззащитные твари, копающиеся на помойках, а опасные существа, способные убивать быстро и эффективно. Сегодня об этом знают лишь двое хомо. Но что будет завтра?

Ург не питал иллюзий насчет будущего своего народа и прекрасно понимал — больше медлить нельзя. Время Шанса

настало. Единственной возможностью для народа осмов стать сильнее и получить реальный Шанс к выживанию.

Сейчас в тюремных камерах сидело двадцать восемь заключенных. Нужны еще двое – и очередная Игра начнется. Игра, на которой должна будет решиться судьба народа осмов².

– Скорее бы! – тихо прошептал Ург костяными губами.

* * *

Лия и Бор, следующий за ней по пятам, преодолели открытое пространство и вошли в неплохо сохранившееся помещение полуразрушенного здания.

Окошки здесь были узкие, давным-давно лишенные стекол. Такие делали в старину на складах для естественного дневного освещения. В помещении имелось два дверных проема, само собой, без дверей. Через один проем Лия с Бором вошли внутрь, другой был на втором этаже, куда вела бетонная лестница.

Лия встала у стены напротив выхода, так, чтобы контролировать его, и указала Бору на пол. Громила без возражений уселся, прислонившись спиной к обшарпанному столбу, подпирающему остатки крыши. Теперь, когда атака монстров отбита, а они в относительной безопасности, можно и

² О судьбе Урга и его народа можно прочесть в романе Дмитрия Силлова «Кремль 2222. Северо-запад».

поговорить.

– У меня слов нет! – произнесла девушка. – Ты чего творишь? Помереть не терпится?

– Почему... почему меня пытаются убить? – выговорил громила, на глаза которого начали наворачиваться самые настоящие слезы. – И дома, и здесь... Потому что мои раны сами залечиваются, да?

– Может, и залечиваются, – сказала Лия, наблюдая, как практически на глазах затягивается глубокая царапина на предплечье громилы. – А толку? Чего ты толкался с этими тварями? Они с тобой что, в салочки играли? Они тебя убить хотели, понимаешь! Так какого дампа ты с ними церемонился? Один хороший удар твоей ручищей, и любой из этих уродов на месте превратился бы в труп, размазанный по земле!

– Т-труп?

– Ага, он самый.

– Убить? Зачем?...

Лия внимательно посмотрела на великовозрастного ребенка. И что ему ответить, если он не понимает элементарного закона выживания в Зоне: не ты, так тебя. Тяжелый случай.

А Бор продолжал:

– Зачем убивать? Почему все такие злые? Почему нельзя просто работать, а за работу получать просто еду и время для сна? Так, как делали мамка с папкой, как я...

Лия хотела было стегануть крепким словом этого витаю-

щего в облаках переростка, но передумала.

«Он же просто дитя неразумное. Что с него взять?»

Вот повезло-то! Ей только и не хватало для полного счастья как нянчиться с великовозрастным мальцом... Спасла такого – считай, приручила. Сейчас он отойдет от пережитого, силенки восстановит – и наверняка увяжется за ней. И вреда от него будет намного больше, чем пользы. Запущенную инфантильность никакая физическая мощь и быстрая регенерация не компенсируют. Скорее, усугубят. Дернул же дамп спасти этого болвана! Хотя...

Дамп ли?... Сомнительно. Покрытые язвами и гнойниками ходячие мумии здесь точно не при делах. Лия понимала – ее направило чувство личной справедливости, которое она тщательно скрывала, порой и от самой себя. Конечно, выживание сообщества и интересы Зоны Трех заводов всегда были для нее в приоритете, но в то же время девушка часто ловила себя на мысли, что неправильно это, когда какая-то мразь насилует женщин, а власть имущие покрывают ублюдка... Как и неправильно, что если ты родилась женщиной, то сиди тихо и покоряйся своей женской доле... «Женской доле...» Какой debil это придумал? Наверняка идейный сторонник второго зама...

Так что не случайный душевный порыв, а именно это чувство личной справедливости подтолкнуло ее взяться за лук, когда толпа подлых мутантов попыталась ни за что ни про что убить безобидного и добродушного здоровяка... Сliš-

ком безобидного и слишком добродушного для этого мира...

Но ведь и она, Лия, как ни крути, для тех же Трех заводов оказалась слишком... не такой. Вне формата, вне правил. И что теперь? Не жить ей? Не выбирать свой путь, не бороться за свою жизнь и за право быть по-своему счастливой? Ну, пусть попробуют помешать ей те, кто так думает. Она никому жить не мешает, если только не мешают жить ей. А кто встанет у нее на дороге, пусть не обижается.

Но она-то со своими проблемами справится. А вот этот громила слишком уж незащищен перед реальным миром. Даже свое рабское положение не осознавал, из которого по чистой случайности вырвался... Правда, что-то подсказывало Лие – не так уж безнадежен этот парень, как кажется на первый взгляд. И что-то толкало девушку помогать ему и дальше, научить говорить с этим миром на равных.

«Материнский инстинкт, а?»

Лия саркастически усмехнулась. Детей она и раньше видела, и никаких особенных чувств они у нее не вызывали. Люди и люди, только еще маленькие. Нет, тут срабатывало что-то большее. Свойственное только человеку.

«Вроде бы до Последней Войны это называлось гражданским долгом... Хотя кому я что должна? Ладно, будем считать это моей маленькой личной причудой»

– Тебя как звать? – спросила Лия уже вслух.

– Триста тридцатый... – неуверенно произнес громила.

– А настоящее имя помнишь?

Парень замялся было, но потом посмотрел ей в глаза и выдохнул, будто в омут вниз головой прыгнул:

– Бор.

– Я Лия. Ну, пойдем, что ли.

– Куда?

– Вначале стрелы соберем. Надеюсь, в трупах этих тварей они не растворяются.

– В т-трупах? Прямо из них доставать?

На лице громилы отразилась страдальческая гримаса.

«Надо же, мы еще и брезгливые», – про себя усмехнулась Лия. А вслух сказала жестко:

– Не доставать, а вырезать. Стрела, когда в тело входит, застревает в нем. Дернешь – наконечник в мясе останется. Так что берешь нож, делаешь глубокий надрез и аккуратно вынимаешь стрелу. Понял?

– Понял...

– Ну, если понял, смотри, как я это делаю, и учись.

Громилу слегка передернуло.

– Слушай! Ты хотя бы по большим и по малым делам сам все делаешь? – осведомилась Лия, очень надеясь на утвердительный ответ.

– Да. И ем сам, и одеваюсь. Я уже большой.

– Ну да, росточком ты точно повыше меня будешь, – ровно произнесла девушка. – Если же еще что-то путное удастся тебе в голову вложить, вообще сказка будет. Ладно, давай за

дело. Только постарайся не блевать, а то еды у меня с собой крысопес наплакал, а прокормить тебя, думаю, это отдельное удовольствие.

* * *

Ион удивлялся сам себе. Лия покинула Зону, неожиданно оставив на сердце щемящую тоску. Вот уж не думал, не гадал, что эта девушка так много для него значит... Хотя, чувства для стаббера не главное. Главное – результат, а с этим было все в порядке.

Из Зоны Трех заводов Лия ушла красиво, напоследок презрительно насолив второму заму. В последнем, впрочем, зам сам виноват – никто его не заставлял посылать своих «шестерок» преследовать ее на электрокаре... А с какой кислой рожей ходит по Зоне Чугун! Кстати, его кислая рожа местами покраснела – не иначе словил по морде от папаши, в истерике ляпнув лишнее.

И что хорошо – концов никто найти не может. Начальник стражи, прикрывая свою оплошность, заверил, что сам обходил посты и личным приказом заменил приболевшего стражника. Вот во время смены караула эта Лия, небось, и проскочила. Она ж стаббер, для нее это пара пустяков. А Рад и в самом деле чувствовал себя неважно. Съел или выпил чего-то не того, а может, сразу какую-то подхватил. Крючит беднягу так, что про долгожданный сон он и не помнит уже.

Ничего, парень крепкий, жить будет. Адская смесь кустарного приготовления, разбавленная в коньяке, – гадость для непривычного желудка еще та. Но не смертельная. Все лучше, чем сдохнуть на Игре за самовольный уход с поста раньше времени. А за вредность он потом от Иона целую флягу коньяка получит, и на этот раз нормального, без добавок. Главное, чтоб пить его смог, – после отравления алкоголем некоторые потом на него смотреть не могут. Ну, это уже его проблемы. Станет трезвенником – обменяет коньяк на плюшки с турьим мясом, желающих будет хоть отбавляй...

Размышления Иона были прерваны прибытием гонца от отряда дальнего поиска, несколько дней назад ушедшего в рейд, – порой не только одиночки-стабберы рыскали по Москве, но и целые подразделения числом до взвода высылались на разведку новых территорий.

Посыльный принес хорошие вести. Парни неплохо закрепились в пережившем не одно столетие Петровском замке, предварительно вырезав обосновавшуюся в нем стаю рукокрылов, чем обеспечили Зоне Трех заводов отличный опорный пункт не где-нибудь, а почти в центре Москвы! Это значительно облегчит последующие рейды и будет способствовать дальнейшему продвижению разведгрупп вглубь мертвого мегаполиса.

Ион поспешил доложить отцу о случившемся. Реакция была ожидаемой – Директор Зоны трех заводов, узнав об удачном захвате замка, и думать забыл о побеге Лии и ка-

кого-то там раба-мутанта. Подумаешь, двое недовольных в выжженную пустыню ушли. Скатертью дорога. Недолго они там протянут без боеприпасов и продовольствия. А вот новому стратегически важному пункту необходимо и то, и другое. В связи с чем Директор приказал подчиненным сосредоточиться на формировании и снабжении всем необходимым большого отряда, в задачу которого войдет доставка электроциклами оружия и провианта на территорию захваченного плацдарма... Ну и хорошо. Пока все носятся вокруг электроциклов, Лия успеет уйти далеко. А что она не пропадет в развалинах мертвого города, Ион был уверен на все сто процентов...

От оптимистичных мыслей стаббера отвлекли хорошо знакомые звуки. Ион, недолго думая, направился туда, откуда они доносились, – в сторону закоулка с большими мусорными баками, куда обычно выбрасывали отходы с кухни. Стаббер уже догадывался, что там происходит.

И не ошибся.

Мягко говоря, сегодняшний день у Чугуна не задался, и теперь сынок второго зама срывал свою злобу на очередном стражнике-салабоне. Салага валялся в помойной жиже, обильно разлитой возле прохудившегося бака, и пытался встать – но каждый раз получал пинок в живот или в грудь. Двое мордоворотов-телохранителей сына второго зама стояли рядом, безучастно наблюдая за происходящим.

– Ыгыгыгы!!! – ржал Чугун, мерзко скалясь и выпячи-

вая губы. – Жри дерьмо, сука! Жри, я сказал! Не встанешь, пока...

Но закончить тираду не получилось. Вместо ее продолжения из горла отморозка вырвался придушенный хрип. Железные пальцы Иона сжали горло Чугуна, а колено стаббера врезалось в солнечное сплетение.

На мгновение оцепеневшие мордовороты ломанулись было на выручку хозяину, но тут же словно приросли подошвами к земле, наткнувшись на суровый волевой взгляд и тихое, но грозное:

– Стоять!

– Че встали... – прохрипел Чугун, безуспешно пытаясь освободиться от захвата. – Помогите... Сгною...

Один из мордоворотов вышел из оцепенения и шагнул к Иону.

– Ты это... Отпусти его...

Ион не отпустил, а телохранитель Чугуна рухнул в помои рядом с салагой-стражником, воя, словно сирена, – завоешь, получив удар носком берца в пах. Это Иона не устраивало – зачем привлекать лишнее внимание? Поэтому второй пиннок амбал словил уже носом, который хрустнул под ударом, словно древко бракованной стрелы. Вой немедленно перешел в бульканье – кровь, хлынувшая и наружу, и в горло, не способствует производству демаскирующих звуков.

– Кто не хочет спокойно стоять – полежит! – предупредил Ион, глядя в глаза второму амбалу. Тот посмотрел на колле-

гу, валяющегося в грязи, словно раздавленная гусеница, – и отступил назад.

– Вот и ладушки, вот и хорошо, – произнес стаббер. После чего ударил Чугуна ребром ладони по носу, а затем пинком отправил мерзавца в грязь – туда, где недавно лежал салабон, теперь стоящий в стороне и не без злорадства наблюдающий за действиями Иона.

Стаббер же, разглядев в грязи коричневую кучу вполне определенного состава, бросил:

– Ты это хотел скормить парню, да? Давай-ка, жри сам.

И, схватив Чугуна за волосы, ткнул его мордой в чьи-то отходы жизнедеятельности.

– Душевно поцеловались кровные братья, – с нехорошей улыбкой произнес стаббер. – Хотя ты, Чугун, и брата сожрешь, лишь бы за свои дела по морде не получить, а?

Сын второго зама, кашляя, отплевываясь и шмыгая носом, с трудом поднялся на ноги.

– Вот ты и принял свой естественный вид, сын второго зама, – ровно произнес Ион. – Свинья в дерьме – идеальное сочетание. Самки котяха за такого мужика передерутся, гарантирую.

– Ыыыы!!! – взвыл Чугун, отступая к сохранившему вертикальное положение телохранителю и стряхивая с морды коричневую субстанцию.

– Как под нашим окном пахнет свежим дерьмом... – напел Ион народную детскую песенку, пережившую двести лет

апокалипсиса.

Салага стоял рядом со стаббером и загибался – то ли от боли в солнечном сплетении, то ли от смеха. Скорее всего, от того и от другого вместе.

А Ион продолжал, несколько подкорректировав текст оригинала под сложившуюся ситуацию:

– Свиномордый пожрал, за собой не убрал...

Чугун вжался в стену, затравленно озираясь и пытаясь стереть рукавом с лица чужое дерьмо. Показываться в таком виде всей Зоне ему совсем не хотелось. Увидит кто помимо телохранителей, которых и припугнуть можно, – и никакой статус, никакие отцовские связи не спасут от позора.

– Слышь, Чугун, – продолжал Ион. – Я же только что тебя дерьмом накормил и свиномордым назвал! Ты мужик или кто? Если мужик, так подойди и набей мне морду. Можешь и своей пристяжи приказать, чтоб подключились к процессу. Я-то один, салага не в счет, он еле живой от твоих побоев.

Морально Ион оторвался по полной, давно хотелось, а сейчас прорвало. От души повеселился. Теперь же наружу рвалась злоба, которую можно было удовлетворить только одним способом.

– Все с вами ясно. Короче, пошел вон, – коротко приказал Ион мордовороту, счастливо избежавшему побоев. Тот перевел взгляд на так и не вставшего напарника – и ретировался, будто его и не было.

А Чугун преображался. Самомнение, загнанное страхом

куда-то вглубь, вновь начало давать всходы. Его, сына второго зама, – лицом в дерьмо???

– УБЬЮЮЮЮЮЮЮ!!! – заорал Чугун, бросаясь на Иона. Но завершить рывок не получилось. Стаббер плавно сместился в сторону, подставил ногу – и здоровенный парень, споткнувшись, с размаху хлопнулся мордой об землю, вдобавок врезавшись пузом во что-то твердое. Хлопнулся – и вспыхнувшая было злость мгновенно испарилась. Остался лишь страх, замешанный на бессилии. Драться со стаббером, который всю жизнь только и делал, что тренировался в воинских искусствах, занятие глупое, бесполезное и крайне опасное для жизни.

Чугун замер на земле, прикрыв голову руками и жалобно скуля. Ион же постоял немного, подумал, потом плюнул на спину сына второго зама и махнул рукой салабону – пошли, мол, отсюда, спектакль окончен, спасибо за внимание, просьба покинуть зал.

Глаза салабона светились от восторга.

– Как ты... это... такую тушу свалил. И уroda этого...

– А ты почаще на тренировках появляйся, парень, – ответил Ион. – Если хочешь, я тебе покажу пару приемов, которым не учат вашего брата.

– Конечно! – салабон аж подпрыгнул от восторга.

– Ну, изволь. Вот, например, если нажать сюда, под челюсть...

... Телохранитель Чугуна медленно приходил в себя.

Кроваво-черная муть, плавающая перед глазами, понемногу рассеивалась. Черное пятно прямо по курсу постепенно превращалось в фигуру начальства, сидящего на земле и выковыривающего из носа коричневые катышки.

– Че смотришь? – прохрипел Чугун. – Быстро вскочил и принес мне воды! И чистую одежду не забудь.

Мордоворот встал, покачнулся, но устоял на ногах. Крепко его приложил стаббер, ничего не скажешь. Может, плюнуть на все да попроситься к ним в ученики? Да нет, не возьмут. Стабберы – элита, а он кто? «Шестерка». Принеси-дай-подай-иди нахрен, не мешай.

Телохранителю очень захотелось с размаху долбануть носком ботинка по сытой роже сына второго зама. Но он сдержался. Это Иону, сыну Директора, все сойдет с рук, а ему, простому парню с окраины Зоны, в лучшем случае голову медленно пилой откромсают. Причем могут и не с головы начать, а, скажем, со ступней. Нет уж, пусть все остается так, как есть.

– Да, хозяин, – произнес мордоворот и отправился выполнять приказание, при этом поклявшись про себя, что о проишествии возле мусорных баков сегодня же будет знать вся Зона Трех заводов.

* * *

Не так-то просто вытащить стрелу из тела убитого врага.

Но для Лии это было не впервой. Ловко орудуя небольшим кинжалом, девушка расширяла раны убитых осмов и, подцепив наконечник клинком, ловко, одним движением извлекала свои стрелы из плоти мутантов. После этого она тщательно вытирала наконечники о лохмотья трупов и возвращала в колчан оперенные орудия смерти.

Бор шел за Лией, пытаясь сосредоточиться на том, что делала девушка. Получалось неважно. Громилу слегка мутило от вида крови, вытекающей из ран, хладнокровно расширяемых ножом. Помимо всего прочего перед глазами Бора стояла жуткая картина – хрипло кричащий Уфес, тело которого рвали на части маленькие водяные чудовища... Брррр... Никогда еще Бору не приходилось видеть, чтобы кто-то вот так ужасно умирал.

– Давай теперь ты.

Бор опешил. Лия протягивала ему один из своих мечей – кинжал для такой ручищи будет маловат.

– Это – мне???

– Тебе, – кивнула Лия. – Достань стрелу из тела.

Бор сглотнул слюну, после чего зажмурился и, игнорируя протянутый меч, ухватился за древко стрелы...

– Не так. Вначале воткни меч, расширь рану, аккуратно подцепи наконечник и потихоньку, враскачку, вытаскивай.

– Я не...

– Он мертв, дамп тебя побери! Мертв, понимаешь? Ему уже все равно!

Бор не шевелился. Сидит себе на корточках, глаза закрыты и за стрелу держится, будто каменное изваяние, что порой встречаются в сожженном городе.

Лия мысленно досчитала до десяти, выдохнула, опустила руки на широченные плечи громилы и сказала коротко:

– Сядь.

Громила с облегченным вздохом отпустил стрелу, шлепнулся на ягодицы и взглянул на Лию – ну, чисто ребенок, которого освободили от сложного задания.

Но Лия не сдавалась. Не научишь сейчас – завтра это большое дитя само будет валяться мертвым в грязи, глядя в небо широко открытыми, неподвижными глазами. Если, конечно, у него останутся глаза. Поэтому она взяла его за плечи и сказала, сверля взглядом твердым и острым, словно наконечники ее стрел:

– Ты жить хочешь?

Бор хлопнул ресницами и кивнул.

– Тогда тебе необходимо научиться убивать своих врагов. Не ради их смерти, боли, крови... А чтобы они не убили тебя, понимаешь? Таков этот мир, и другого ни у тебя, ни у меня нет. Если кто-то захочет тебя убить – он сделает это. И изменить решение своего врага ты сможешь, лишь победив его в бою. Поверь мне – в этом мире только смерть врага означает победу. Вот ты отвешивал осмам оплеухи, сдерживая удар. И что? Они передумали тебя убивать? Нет. А для того, чтобы отвечать ударом на удар, нам нужно оружие. По-

этому попытайся еще раз достать стрелу – это не так страшно, как кажется.

Громила неуверенно взял меч, в его руке казавшийся кинжалом.

– Молодец. Теперь расширь рану.

Бор неуверенно ткнул мечом в труп осма – и нервно сглотнул.

– Глубже, твою душу!!!

Слезы заструились по щекам громилы, но на этот раз он не зажмурился. Просто замахнулся – и вонзил меч в грудную клетку мертвого мутанта.

Ничего не произошло, лишь от мощного удара дернулся труп и несколько капель густой крови брызнуло на ногу Бора. Громила снова взмахнул мечом – и снова ударил.

И еще!

И еще!!!

Бора трясло, но он продолжал кромсать мертвого осма. Кровь, осколки костей и клочья мяса летели во все стороны, но громила не останавливался.

– Стоп! Достаточно. Отдай мне меч!

Никакой реакции. Рычит, глаза безумные, на губах пена выступила. Пришлось ткнуть костяшкой согнутого пальца в нервный узел под правой лопаткой. Громила охнул, его рука ослабла, еле удержав оружие. У другого бы плетью повисла минимум на день и орал бы он как резанный от нестерпимой боли, а этот жук-медведь лишь удар затормозил. И меч не

выпустил – что уже неплохо для начала.

– Да забирай! – вышедший из доселе незнакомого ему состояния Бор швырнул оружие на землю, повернулся спиной...

А вот это никуда не годится.

– Подними.

Голос девушки был тихим, но в то же время твердым и холодным, словно клинок, вонзившийся в спину. Бор невольно вздрогнул, обернулся, поднял меч и уставился на Лию взглядом нашкодившего ребенка.

Странной, возможно, показалась бы стороннему наблюдателю картина – девушка, пусть и вооруженная до зубов, учиняет разнос громиле, который втрое шире и на две головы выше ее, а тот стоит, опустив руки, и носом шмыгает.

– Никогда, – глядя Бору в глаза, спокойно, с пробирающей до костей холодной жестокостью во взгляде и голосе произнесла Лия, – никогда не срывай свои эмоции на оружии, понял? Только оно дает нам право на жизнь в этом страшном мире. Еще раз бросишь оружие вот так – и будь проклято это утро, которое я потратила на спасение твоей никчемной жизни.

Бор ничего не ответил, лишь шмыгнул носом еще раз, поднял меч и протянул его Лии. Девушка забрала свое оружие, повернулась и пошла прочь.

Пройдя несколько шагов, она бросила через плечо:

– Ну, так ты идешь?

– Нет, – сквозь шмыганье донеслось сзади. – Уходи.

– Да и пошел ты... – прошептала Лия, направляясь к узкому проходу между двумя громадными глыбами бетона, густо поросшими рыжим мхом.

...Как часто обида застилает наш разум, делает нас глухими и слепыми. Мы обижаемся на учителей и наставников за их замечания. Мы ссоримся с друзьями и любимыми из-за высказанной в глаза горькой правды, порой не зная, или не желая знать, что учителю, другу, любимому человеку бывает в такие моменты куда больнее...

Переразвитым самолюбием Бор не отличался. И обижаться долго не умел. Лия еще не успела скрыться в руинах, а в памяти громаилы уже возникли картины недавних событий. Как Лия бросилась в бой, который ее не касался... Как, рискуя жизнью, вступила в неравную схватку с целой толпой ужасных мутантов. И все это ради того, чтоб помочь ему, спасти от страшной смерти...

«Дурак я! Она же сама могла умереть, спасая меня...»

– Лия!

Бор бросился к глыбам бетона, за которыми скрылась девушка. Но девушки за ними уже не было. Кругом лежали руины, тихие и безмолвные, и здоровяк понял, что не знает, где теперь ему искать свою спасительницу. Заорать в голос, позвать ее? А если крик услышит кто-то, желающий его убить? Его... И ее.

Губы Бора задрожали. Он сел на ржавую ногу биоробота,

торчащую из земли, закрыв лицо руками.

– Вот только ныть не начинай!

Здоровяк вскинул голову, услышав знакомый голос.

Лия стояла рядом.

– И не забывай про фланги и тыл! – добавила девушка. – Я за тобой по пятам шла, а ты и не заметил.

Что такое фланги и тыл, Бор не знал. Но понял – Лия опять им недовольна. Однако на этот раз обиды не было. Его мамка, когда жива была, тоже порой на него кричала – но за дело! И Лия не просто так ругается, не со зла! Иначе стала бы она его спасать? А он действительно многого, как оказалось, не знает, не понимает, не умеет... Она же словно родилась среди этих руин, где ей все знакомо. Да пусть хоть сто раз в день его ругает! Только бы не оставляла больше одного среди этого страшного, незнакомого мира...

– Ты не бросай меня, ладно? – попросил Бор. – Я не умею так воевать, как ты умеешь... Но я научусь. Я быстро учусь. Только научи, ладно?

Лия не могла сдержать улыбки.

– Ну, так воевать, как я, думаю, вряд ли у тебя получится. Комплекция не та, значит, и стиль боя будет у тебя абсолютно другой. Но как грамотно защитить себя от врагов, этому постараюсь научить. И для начала – неплохо бы тебя вооружить...

Лия вспомнила про «Корд». Такому силачу, как Бор, – в самый раз. Правда, патронов мало. Хотя, такому громиле в

случае чего пулемет сойдет и в качестве стальной дубины...

– Но сначала – стрела. Вон та, что торчит из груди осма. Теперь сможешь достать?

– Смогу, – твердо произнес Бор, протягивая руку за мечом.

– Хорошо. Норматив стаббера на извлечение стрелы из трупа – пять секунд. Тебе хорошо бы для начала уложиться хотя бы в десять.

– Я хорошо знаю, сколько это – десять секунд, – сказал Бор, принимая оружие. – Постараюсь уложиться.

* * *

Ночь вступала в свои права.

Костры и факелы освещали внутреннюю территорию Зоны Трех заводов, отбрасывая повсюду причудливые тени. Ночная стража занимала свои позиции на Стене, но и остальные жители Зоны не спешили на боковую. День был богат событиями, и люди, закончив свою работу, собирались кучками, обсуждая побег Лии и «триста тридцатого», захват плацдарма в старинном замке почти в центре некогда процветающего города... Либо, понизив голос почти до шепота, сына второго зама, который вернулся домой к папаше, за версту воняя дерьмом и с изрядно побитой рожей...

Иону же было не до разговоров. Он вообще не особо любил пустопорожний треп ни о чем, лишь отнимающий дра-

гоценное время. Вот и сейчас он в неофициальном порядке совершал обход территории, делая вид, что просто прогуливается перед сном.

На самом деле это были не просто прогулки. Вот уже не первую неделю Ион искал насильника. От запуганных жертв, кроме слез и нечленораздельных причитаний, ничего не удавалось добиться. Обратиться за помощью к кому-либо Ион не мог. Подозрения, что за насильником стоит кто-то из властьпридержащих, с каждым днем усиливались – а значит, доверять нельзя никому. Кроме Лии... До этой ночи они совершали такие обходы вместе. Но, как назло, чаще всего изнасилования совершались в те ночи, когда стабберы были в рейдах...

То, что негодяй глумится над девушками не в подземельях Зоны, понятно. Там жилые помещения и множество рабов, большинство из которых спит весьма чутко... Значит, искать нужно здесь, наверху, в темных закоулках.

Что-то подсказывало Иону – сегодня насильник снова проявит себя. Вот только где?

Внезапно неподалеку раздался чей-то сдавленный крик... Ион обернулся на голос.

Свет факелов выхватывал из темноты контуры небольшого бетонного завода. Когда-то, на заре существования Зоны, он работал днем и ночью, выпуская раствор для строительства Стены. А последние несколько месяцев здание пустовало. Строить что-либо новое и масштабное в ближайшее вре-

мя руководство Зоны не собиралось, рабочие руки гораздо нужнее были на иных производствах. Так что завод стоял, как называли по старинке, «на консервации», то есть заброшенный, и до поры до времени никому не нужный. В общем, место, идеальное для преступления.

* * *

Костер скудно освещал пространство небольшого подземного помещения, в котором Лия и Бор разместились на ночлег. Громила спал с блаженной улыбкой на лице. То ли снилось ему что хорошее, то ли он всегда улыбается во сне – Лия не знала. Ее тревожило другое. Если уж Бор засыпал, то засыпал, что называется, богатырским сном. Хотя из пушки пали, не услышит, не проснется. Во сне этого большого ребенка можно брать тепленьким, что резко уменьшает его шансы на выживание. Оставь она Бора – и, скорее всего, бе-долагу сожрут в первую же ночь.

Зато силищи ему было не занимать. «Корд» в руках громилы казался детской игрушкой. Лия рассказала здоровяку, для чего пулемет служит, и показала, как пользоваться. На демонстрацию и тренировочные стрельбы ушло еще пять патронов. Но это – необходимость, иначе вообще вся затея теряет смысл. Громила и вправду учился быстро – короткой очередью с тридцати метров разнес бетонный блок. Хотел еще, но Лия убедительно попросила ученика более не ис-

пользовать пулемет без необходимости – патронов осталось меньше ленты, и их лучше поберечь на самый крайний случай.

Теперь, когда «Корд» висел у Бора за спиной на примитивном самодельном ремне, вырезанном из брезента, встал вопрос об оружии ближнего боя. Кулачищи кулачищами, а даже самая примитивная дубина все лучше, чем голая рука, – особенно в стычке с какой-нибудь пакостью, к которой лучше без перчаток не прикасаться, причем, желательно, стальных.

Вдобавок, Лия понимала – в горячке боя руки сами тянутся к чему-нибудь поувесистее, дабы хорошенько долбануть врага по черепу. Понятное дело, Бор и «Кордом» при случае махнет на манер дубины. Но пока в ленте есть патроны, это нежелательно. А махаться Бор будет, это только вопрос времени. Потому, как умирать не торопится – иначе погиб бы еще там, в цехах Зоны Трех заводов. Истерики же и упадок душевных сил это дело временное и поправимое. Тем более, что первый шок от столкновения с реальностью у этого большого ребенка уже прошел.

Разумеется, этими своими выводами Лия с Бором не делилась. Только и сказала, что патроны надо поберечь и что, помимо «Корда», оружие для ближнего боя ему не помешает.

И тут громила ее внезапно порадовал. Не дожидаясь дальнейших распоряжений, огляделся – да и выворотил торча-

щее из груды развалин небольшое дерево с относительно прямым стволом, в очередной раз удивив Лию своей физической силой. Наскоро обломал ветки, после чего кирпичом вбил в комель несколько обломков арматуры. В результате получилось оружие весьма неказистое, но с виду устрашающее. Совершив сей подвиг, Бор легко закинул дубину на плечо и довольно улыбнулся. Смотри, мол, какой я молодец.

– Ну, теперь ты точно всех победишь, – в ответ улыбнулась Лия.

...Вечером, у костра, Бор вкратце рассказал ей о своей прежней жизни, о побеге и подробно – по просьбе Лии – об осмах. После чего лег, обнял свою жуткую дубину, словно ребенок тряпичного жука-медведя, и спустя несколько минут уже крепко спал.

А Лия все сидела, глядя на огонь, и думала.

Осмы... Неспроста же Бор говорит, будто слышал мысли этих существ. Чутье подсказывало девушке – не бред это и не его фантазии. Сама Лия в бою отметила слаженность действий осмов – как будто они согласовывали действия друг с другом, не вступая в непосредственный контакт. Вернее, вступая, но непостижимым для большинства обитателей этого мира образом. На расстоянии, без использования технических приспособлений, которые до Последней Войны, говорят, были доступны всем и каждому... То есть, ментально, с помощью силы мысли. Причем вполне возможно, что так общаться они могут на весьма приличном расстоя-

нии. Поэтому не исключено, что этой шайке кто-то отдавал команды, находясь далеко от места событий и глядя на происходящее глазами своих солдат.

А тот осм, бросившийся на нее с растопыренными пальцами... Нет, не в глаза он метил и душить не собирался. И не было в его немигающем взгляде того отчаяния, с которым бросаются на противника, заведомо понимая, что это мало чем поможет. Присоски... Могут ли осмы впрыскивать через них яд? Бор говорил о кратковременном, но явном недомогании, которое он испытывал после прикосновений Уфеса... Возможно, что, будь Бор обычным человеком, а не мутантом с отменной регенерацией и аномальным иммунитетом, его бы сейчас уже не было в живых.

Итак, вывод. Эти мутанты плюются кислотой, мгновенно разлагающей плоть, впрыскивают какой-то яд своим жертвам через присоски, общаются на расстоянии с помощью мыслей – и при этом легко сдаются, попадают в плен и десятками умирают на Играх. Вывод напрашивается один: осмы собирают информацию, шпионят за людьми. Во всяком случае, за жителями Зоны Трех заводов. И вряд ли их намерения сулят бывшим соплеменникам Лии что-то хорошее...

– Не спишь? – внезапно спросил Бор.

– Нет, – несколько удивленно ответила Лия. – А ты чего проснулся?

– А я не спал.

– Не спал? Притворялся, что ли? И когда я тебя растол-

кать пыталась, тоже?

– Ну да... – покраснел Бор. – Нельзя разбудить того, кто притворяется, что спит...

«Ну, дитя малое! Без баловства никак!»

– Меня мелкого мамка часто рано будила, – продолжал громила. – А я вставать не хотел. Ну и притворялся... И когда ты меня разбудить пыталась, детство вспомнил...

«Детство он решил вспомнить! Чего вспоминать, если до сих пор из этого детства не выкарабкался!»

Лия подошла к Бору, присела, наклонилась к его лицу и, глядя в глаза, произнесла:

– Давай договоримся, парень. Я тебе не мамка и играть со мной в притворяшки не надо. Вообще никак со мной играть не надо. Игры кончились. Пришло время учиться реальной жизни. Вернее, выживанию.

– Хорошо, – кивнул Бор. – Извини, я так больше не буду.

«Хотелось бы верить... – подумала Лия. – Впрочем, этот взрослый ребенок пока не нарушил ни одного своего обещания, да и желание учиться у него явно есть. Другой вопрос, надолго ли его хватит, того желания...»

Глава 3

Возмездие

Бетонный пол медленно окрашивался кровью, капающей из тонких израненных рук, туго перетянутых куском проволоки. Другие руки, жирные и волосатые, держали за волосы, не давая пошевелиться.

Их было пятеро. Двое участвовали, трое ждали своей очереди, мерзко улыбаясь и перешептываясь между собой. Девушку перегнули через грубо сколоченный стол, и тот, кто стоял сзади, насиловал ее жестоко и равнодушно. Рядом со столом валялась окровавленная пустая бутылка с чуть надколотым горлышком.

Тот, что держал девушку за волосы, присел на корточки и рывком запрокинул голову жертвы.

— Как тебе? Нравится?

Девушка не ответила. Слез не осталось, слов тоже. Она лишь не мигая смотрела в глаза своего мучителя. Тот не выдержал и на мгновение отвел взгляд. Но лишь на мгновение, которого ему хватило, чтобы разъяриться.

— Чо вылупилась, сука? — прорычал он. — Я вопрос задал, не слышала?

Мясистый кулак врезался в лицо девушки, но не выбил из жертвы ни крика, ни стона. Лишь еще несколько капель

крови упали в большую багровую лужу, скопившуюся под столом.

– Слышь, Пятак, хорош там развлекаться, смена состава, – ударив еще раз, сказал тот, что держал девушку за волосы. – Чо-то мне еще захотелось. Причем опять бутылкой. А то сучка больно борзая попалась – не уважает, на вопросы не отвечает. Надо ее еще поучить маленько, может, поймет что к чему. А вы там чего стоите как просватанные? Кто хочет, может спереди пристроиться. Остатние зубы ей выбивайте, и будет вам безопасный секс, гы-гы.

– Гы-гы, – угодливо подхватила пристяжь смешок сына второго зама. – Ну ты, Чугун, как скажешь, хоть стой, хоть падай. Безопасный секс, это ж надо такое придумать!

Девушка все слышала и молчала. Терпеть... Только это ей и оставалось... Терпеть унижение, нереальную боль, дальнейшие издевательства нелюдей. И потом жить с этим, ловя на себе презрительные, осуждающие взгляды – если, конечно, Чугун и его прихлебатели оставят ее в живых. Она не хотела умирать, но в то же время безмолвно звала смерть. Звала, моля об избавлении от этого ужаса, в который ее швырнули чудовища, по какой-то нелепой ошибке называемые людьми...

И избавление пришло. Иногда молитвы достигают ушей кого-то, кто следит за чужими судьбами. Особенно – безмолвные молитвы, которые порой намного сильнее заунывно озвученных просьб.

Внезапно подручный Чугуна, по приказу хозяина взявший девушку за волосы и уже расстегнувший ширинку, охнул и разжал хватку. На подбородок девушки хлынула горячая кровь... Не ее кровь. Кусок вонючей плоти, мгновение назад болтающийся перед лицом жертвы, плюхнулся в кровавую лужу, сокращаясь, словно умирающая гусеница.

Невидимый в полутьме клинок прошелестел еще раз, и оскопленный насильник осел на землю, булькая рассеченным горлом...

Догадка Иона насчет бетонного завода оказалась верной – хохот ублюдков стаббер услышал сразу же, как вошел в здание. Их даже искать не пришлось. Банда Чугуна, подогретая самогоном и распаленная похотью, не особо и скрывалась. Ну что ж, тем хуже для них.

– Мля, он Жука завалил!

Вопль одного из телохранителей Чугуна привел в чувство остальных, оцепеневших от столь быстрой и эффективной расправы. Время разборок на кулаках кончилось, настала пора серьезного боя, цена которому – жизнь. Пристяжь сына второго зама, да и сам Чугун поняли это моментально и, выхватив из ножен тесаки, попытались взять стаббера в кольцо.

– Неплохо, – хмыкнул Ион и тут же нанес ближайшему мордовороту стремительный удар каблуком в колено.

Послышался хруст разбитой коленной чашечки. Громила весом под сто кило сделал шаг и тяжело рухнул, выронив свое оружие. Короткий укол «Легионом» под ухо довершил

дело. Хороший боевой нож не нуждается в больших усилиях, когда нужно завершить неприятную, но необходимую работу.

Двое оставшихся бросились одновременно, занося для удара тяжелые и широкие тесаки.

«А все-таки хорошо, что в зоне запрещено открытое ношение огнестрелов», – подумал Ион, скользящим движением уходя в сторону и нанося удар ножом под занесенную руку.

«Легион» вошел в плоть, словно в слежавшуюся подушку. Опасное это дело, подмышки в бою подставлять. В левую ударят – сердце проткнут, в правую – рука плетью повиснет и дыра в легком образуется, несовместимая с жизнью. Правда, умирать придется не быстро, захлебываясь собственной кровью. Как сейчас, например.

Последний телохранитель оказался сообразительнее мертвых и умирающих товарищей. Он отпрыгнул в сторону и выхватил из-за пазухи «макаров» – такие по мере надобности производились по древним чертежам до сих пор на одном из трех заводов. Вот тебе и запрет на ношение огнестрельного оружия внутри зоны для лиц, не несущих охрану внутреннего периметра!

До мордоворота было метров пять, и это очень плохо. Судя по тому, как он выхватил оружие, тренировался, гад, долго и упорно. Даже если попытаться метнуть нож, пристрелит на замахе...

Поэтому Ион швырнул «Легион», совершенно для этого не предназначенный, «безобороткой», когда нож летит, словно стрела, сорвавшаяся с тетивы. Способ непростой и не очень удобный, когда тебе приходится одновременно уходить в перекат, чтобы не попасть под пулю.

Но у стаббера получилось. Когда делаешь хорошее дело, обычно оно получается. Даже если это убийство.

Тяжелый «Легион» вошел в глазницу глубоко, на две трети широкого клинка, развалив скулу и отбросив к стене обладателя «макарова». Ион технично вышел из переката, всерьез опасаясь почувствовать на себе сталь, рассекающую незащищенное тело, – именно сейчас у Чугуна была секунда для того, чтобы подскочить и рубануть наотмашь безоружного врага, находящегося в крайне неудобном положении.

Но удара не последовало.

Вместо того, чтобы вступить в бой, Чугун убегал, поскуливая от ужаса, – изменения в первоначальном сценарии его совершенно не устраивали.

– Ну, пададь!!!

Не теряя времени, Ион подскочил к труп, выдернул «Легион» из развороченной хари и бросился следом за сыном второго зама.

Он догнал бы насильника за считанные секунды – но внезапно вынужден был прекратить преследование. В свете факела, прикрепленного к стене, блеснул длинный клинок, и Иону пришлось серьезно извернуться, чтобы не попасть под

удар.

«Похоже, Чугун разочаровался в своих прежних телохранителях и нанял хорошего специалиста. Такого, который не разделяет увлечений работодателя и предпочитает работать в одиночку, оставаться в тени», – промелькнуло в голове стаббера.

– Хороший финт, – раздалось из темноты.

Из-за колонны на свет вышел жилистый парень среднего роста.

Ничего примечательного – потертая кожаная куртка, штаны из того же материала, в меру убитые берцы. Разве что вся морда и шея в шрамах, да в каждой руке по мечу средней длины. То, как парень держит их, Иону сразу не понравилось. Это не бараны Чугуна, умеющие только девок мучить да слабых прессовать. Это профессиональный наемник, скорее всего, разорившийся маркитант, решивший, что мечами он заработает больше, чем торговлей. Судя по тому, как он двигался, скорее всего, так и было – хорошие бойцы всегда в цене. А этот был явно из лучших.

– Ты бы не рыпался, стаббер, – произнес мечник, неприужденно положив оба клинка себе на плечи. – Пойми правильно. Мне деньги до зарезу нужны, а у Чугуна их море. Так что не дам я тебе свою корову зарезать, которую еще доить и доить. Драться с тобой мне неинтересно, от удара ты красиво ушел, думаю, и машешься красиво. Но если вынудишь, несмотря на все твои выкрутасы, придется тебя зава-

лить. Работа есть работа.

– Жаль, что ты выбрал для себя не ту работу, – произнес Ион. – А не боишься, что потом по рисунку удара тебя вычислят? Не так уж много народу в Зоне Трех заводов обое-рукие.

– Это ты на папу своего, что ли, намекаешь, сын Директора? – усмехнулся наемник. – Или на своих дружков-стабберов, которые непременно найдут и отомстят?

Ион нахмурился. Мечник слишком хорошо осведомлен. Не любил стаббер прикрываться статусом отца, и уж тем более привык решать свои проблемы внутри Зоны Трех заводов, не прибегая к помощи товарищей по оружию. Но наемник умело кольнул по больному, это ему в зачет. Выведенный из равновесия противник – это уже наполовину побежденный.

– Так вот учти. Пыток я не боюсь, а кровь вообще обожаю, так что пугать меня не надо, – продолжил наемник, проведя при этом лезвием меча по скуле. Открылся небольшой разрез, из которого вытекло несколько темных капель. Наемник слизнул их, не дав скатиться на подбородок, и причмокнул от удовольствия. Теперь понятно, почему его Чугун к себе взял. Рыбак рыбака видит издалека. Этот мечник тоже больной на всю голову, только по-другому, нежели его шеф. И болезнь эта лечится только одним способом.

Не дожидаясь продолжения монолога, Ион сорвал со стены факел и швырнул его в шрамированную рожу.

Не ожидавший такого поворота, наемник рефлекторно махнул мечом – и попал. Разрубленный факел упал на бетонный пол и погас, рассыпавшись на тысячу искр. Стало темно, лишь в крошечные окошки под крышей еле-еле пробивался свет луны, толку от которого было немного. Даже силуэта противника не разглядеть, одна сплошная чернота, словно густой деготь до самой крыши наполнившая пространство огромного цеха.

Но что-то разглядывать в кромешной тьме Ион и не собирался. Напротив, стаббер закрыл глаза и весь обратился в слух, отчетливо представляя себе ранее виденный цех – колонны, подпиравшие потолок, какие-то центрифуги с трубами, отходящими от них, металлические шкафы с датчиками, бухты кабелей на полу... Предназначение всего этого оборудования стаббера сроду не интересовало, не на то учился. Сейчас же интерес проснулся, правда, с единственной целью – не вписаться в один из громоздких агрегатов и не грохнуться на пол, зацепив ногой какой-нибудь кабель. И по возможности двигаться бесшумно меж всех этих препятствий, ловя малейший шорох.

– Неплохо, стаббер, – раздался голос справа. – Ну что, поиграем в прятки?

Слева что-то грохнуло, но Ион не отреагировал. Противник швырнул какую-то железяку с двойной целью: попадет в стаббера – хорошо. Не попадет – тоже неплохо. Авось противник кинется на звук, решив, что это враг за что-то заце-

пился и грохнулся на бетон. Кинется – и выдаст себя.

Но не прокатило. Опыта ночного боя Иону было не занимать. Специально тренировался с товарищами, иначе в первом же подземном тоннеле потолочники на фарш разделяют. Потому тихие, почти неслышные шаги мечника, крадущегося в темноте, стаббер различил. И легкое позвякивание металла о металл тоже. Вследствие чего, не открывая глаз, картинку себе нарисовал воображаемую, как этот тип пытается выбраться из темного цеха, нащупывая путь своими мечами.

Жалко было хорошего бойца, из него мог бы получиться неплохой стаббер. Но каждый человек сам выбирает себе путь. Так что выбора у Иона не было.

Стаббер присел и, оттолкнувшись обеими ногами, длинно и неслышно прыгнул вперед, занося «Легион» для невидимого удара.

Похоже, в последний момент мечник что-то почувствовал, разворачиваясь навстречу невидимой опасности.

Но сделал он это недостаточно быстро.

Широкий клинок ножа рассек кадык, пищевод и один из шейных позвонков, мгновенно лишив тело подвижности.

Снесенный Ионом, наемник рухнул навзничь, мечи выпали из безвольных пальцев. Умиравший попытался что-то сказать, но из располовиненной трахеи вырвалось лишь кровавое бульканье.

– Ты проиграл, – сказал стаббер, выдергивая нож так, чтобы на выходе лезвие вскрыло сонную артерию. – Это твой

последний шрам. Мне правда жаль, что ты выбрал для себя не ту работу.

* * *

Настало время подвести итоги.

Охрана сына второго зама перебита, но сам Чугун удрал и теперь скрывается где-то на территории Зоны Трех заводов. Ничего, дальше Стены не убежит.

Теперь девушка...

Свет фонарика в руке Иона высветил ее фигурку, трясущуюся на бетонном полу. Ион скрипнул зубами. Стабберу не раз приходилось видеть изуродованные тела, но то были тела воинов. Каждый из них знал, что может ждать бойца на выбранном пути, помимо воинской славы, радости битвы и эйфории победы.

Здесь же – совсем другое дело. Мало того, что эта девушка не была готова к подобному испытанию. Страшные раны, как физические, так и душевные, она получила не в схватке за свою жизнь. Для зверей, называющих себя людьми, она была просто безжизненным и безответным куском мяса на разделочном столе. Что может быть страшнее?

Под светом фонаря девушка попыталась закрыть глаза связанными руками. Проволока впиалась в запястья, и несчастная застонала от новой боли. Остатки разорванной одежды почти не прикрывали ее окровавленное тело, поми-

мо подсохшей бурой корки покрытое ссадинами, синяками и порезами.

Ион до крови закусил губу. Его личный счет к сыну второго зама вырос до невообразимых размеров.

Мультитул – полезное изобретение прошлого, особенно для таких случаев. Свой стаббер нашел в старом бункере, на шее шамана дампов, обильно смазанный жиром руконога. Ходячая мумия ценила старинный многофункциональный предмет, и было за что. Не будь его, пришлось бы долго распутывать проволоку, мучая и без того измученную девочку. А так миниатюрные кусачки справились с задачей менее чем за минуту.

Перебинтовав израненные руки девушки, Ион снял с себя камуфлированную куртку и набросил ее на плечи девушки.

– Потерпи, теперь все будет хорошо, – сказал он, сам не очень-то веря в свои слова.

– Теперь уже... хорошо не будет... – глухо произнесла несчастная. – Никогда не будет...

«А ведь она права, – с горечью подумал стаббер. – Тело заживет, но душа – вряд ли. Страшное слово – непоправимое. Поэтому остается только одно. Сделать все, чтобы это не повторилось. Найти Чугуна и вырезать его из этой жизни, как злокачественную опухоль. И я убью эту тварь. Найду и убью, чего бы мне это ни стоило».

Два электроцикла остановились перед гостеприимно пахнутыми воротами Петровского замка.

— Ждали, значит, — хмыкнул водитель головной машины. — Увидели, что подъезжаем, и открыли ворота... Если вообще закрывали.

— Обижаешь, — надул губы охранник, сидящий справа на пассажирском сиденье. — Чтоб наши — и не закрыли? Что ж они, совсем без мозгов? Мало ли какая пакость ползет?

— Знаешь, Эрл, если все такие предусмотрительные, то почему нас никто не встречает? Где внешняя охрана? Что-то не нравится мне все это...

— Да успокойся ты! Вон, смотри, наши уже вперед разведку выслали. Сейчас парни узнают, в чем дело, и дадут кому надо звездюлей за излишнее гостеприимство. А твое дело не замечания по поводу внешней охраны отпускать, а баранку крутить.

— Это да, — согласился водитель. — Только случись чего из-за раздолбайства некоторых, замечания уже некому отпускать будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.